R 3/117

О СРЕДСТВАХЪ КЪ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ ПОГРЕБЕНІЯ ОБМЕРШИХЪ.

117

ЭБ

12. 3.
117

О

СРЕДСТВАХЪ КЪ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЮ

ПОГРЕБЕНІЯ

ОБМЕРШИХЪ.

НАПЕЧАТАНО ПО ПРИКАЗАНІЮ
Г. МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА.

1846.

2007096453

Введеніе,

и

примѣры погребенія обмершихъ.

Судьба человѣка, во время жизни его, подвержена бываетъ многимъ случайностямъ, непредвидимымъ и часто уму его непостижимымъ; но участь его не менѣе сомнительна и въ минуту смерти. Неминуемый и неотвратимый переходъ отъ земнаго бытія къ бытію замогильному совершается ежедневно передъ глазами нашими, но грань этого перехода, самое мгновеніе, въ которое душа оставляетъ бывшее свое жилище, ни чувствамъ, ни уму нашему недоступны. Въ обыкновенныхъ случаяхъ, мы не только не въ состояніи опредѣлить съ точностію эту минуту, но даже часто подвергаемся самымъ грубымъ и опаснымъ ошибкамъ, почитая живыхъ мертвыми. Самые опытные люди, самые ученые испытатели человѣческой природы, признали въ семъ отношеніи несовершенство чело-

БИБЛІОТЕКА М.Д.М.

вѣческихъ познаній и согласились считать единственно вѣрнымъ признакомъ смерти то состояніе, когда *мертвое тѣло, подлежа общимъ законамъ физической природы, подвергается разложенію или гніенію*, хотя въ большинствѣ случаевъ самая жизнь погасла уже гораздо ранѣе; но предшествующимъ сему признакамъ смерти вполнѣ довѣрять нельзя. Въ доказательство этого, мы приведемъ въ настоящемъ сочиненіи многочисленные факты и несомнѣнные примѣры, извѣстные въ исторіи врачеванія всѣхъ земель и народовъ, примѣры, не оставляющіе ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ сказаннаго. Часто повторявшіеся случаи мнимой смерти неоднократно уже заставляли благомыслящихъ людей обнародывать такого рода происшествія, и симъ самымъ обратить вниманіе на ужасную возможность быть зарыту живымъ въ могилу; но люди, по врожденному легкомыслію, слишкомъ скоро забывали эти внушенія и добрые совѣты, и каждому новому поколѣнію должно напоминать о томъ съизнова.

Стóитъ только взглянуть на обычаи, господствующіе въ отечествѣ нашемъ, при обращеніи съ мертвыми и при совершеніи похоронъ, чтобы убѣдиться въ легкомысліи нашихъ соотчичей. Лишь только кто нибудь изъ окружающихъ насъ, изъ родственниковъ или друзей, закроетъ глаза и пре-

кратитъ дыханіе, какъ его уже почитаютъ умершимъ: родные оставляютъ домъ для похоронныхъ распоряженій, а покойникъ остается на рукахъ у прислуги и у людей несвѣдущихъ. Всякій заботится только о совершеніи обычныхъ обрядовъ, частію, безспорно, полезныхъ, но частію нелѣпыхъ и вредныхъ. Общій крикъ, плачъ и вопли сосѣдокъ и плакальщицъ конечно могли бы иногда воскресить мнимо-умершаго изъ безчувственнаго его состоянія, но пріятельницъ этихъ собирается часто въ малой, тѣсной комнаткѣ столько, что и живому и здоровому человѣку, отъ скопленія испареній, становится душно, а полумертвый, конечно, не легко очнется при такихъ условіяхъ, особенно если еще услужливая старуха поспѣшно вытащитъ подушку изъ-подъ головы умирающаго, и этимъ неумѣстнымъ порывомъ усердія не только иногда ускоритъ смерть, но можетъ быть даже призоветъ ее тамъ, гдѣ она могла бы пощадить на сей разъ свою жертву. Слова нѣтъ, что весьма полезно и благоразумно раздѣть и обмыть тѣло покойника, по принятому обычаю; угасающія жизненныя силы иногда черезъ это могутъ пробудиться отъ оцѣпенѣнія; но полезный обычай этотъ служитъ лишь обыкновенно приготовленіемъ къ другому, непосредственно за нимъ слѣдующему: тѣло, почитаемое мертвымъ, съ возможною поспѣшностію опять одѣваютъ, насильственно всовывая члены его въ тѣсное платье, — отъ чего замедляется воз-

можное еще обращеніе крови и вся жизненность снова цѣпенѣетъ. Если полезно класть покойника лѣтомъ въ свѣжую, большую комнату, отворивъ ставни и окна, то зимою это уже вовсе неумѣстно; а еще менѣе должно выносить его въ холодные, неотапливаемые сараи, что довольно часто дѣлается у людей низшаго сословія и у бѣдныхъ: обмершіе, коимъ могла бы быть еще возвращена жизнь, на морозѣ конечно уже никогда не возстанутъ. Если и полезно оставить на нѣсколько времени покойника на столѣ, доступномъ для воздуха и свѣта, то для чего въ это время покрываютъ лице его полотенцами и простынями, подвязываютъ накрѣпко платкомъ челюсти, а глаза насильно закрываютъ, накладывая на нихъ еще иногда тяжелыя монеты? Развѣ для того, чтобы и лучамъ свѣта и свѣжему воздуху пресѣчь свободный путь къ тѣлу и помѣшать воспламенению жизненной искры, таящейся еще, можетъ быть, въ безчувственномъ тѣлѣ . . . .

У насъ принято искони допускать всякаго желающаго, друга и недруга, въ домъ печали, для прощанія съ покойникомъ. Обычай сей, равно какъ и тотъ, чтобы выносить покойника въ открытомъ гробѣ и выставлять его на короткое время въ церкви, весьма могутъ быть полезны въ томъ отношеніи, что при этомъ случаѣ всякой можетъ удостовѣриться въ дѣйствительности смерти умершаго.

Сими обычаями мы можемъ похвалиться предъ другими народами, у коихъ рѣдко встрѣчаемъ подобные обряды; но гораздо лучше было бы призывать свѣдущихъ людей, а именно опытныхъ врачей, для точнаго удостовѣренія въ дѣйствительности смерти; въ случаѣ же сомнѣнія, для поданія помощи или совѣтовъ, какъ должно поступать съ трупомъ, до появленія несомнѣнныхъ признаковъ смерти. Не ожидайте, чтобы врачи явились въ подобномъ случаѣ сами: они никогда не любили посѣщать своихъ паціентовъ на смертномъ одрѣ; имъ какъ-то совѣстно найти на столѣ и предъ налоемъ тѣхъ, коимъ, по долгу своему, они внушали надежду до предпослѣдней минуты.

Законы наши велятъ предавать мертвое тѣло землѣ не ранѣе какъ по истеченіи трехъ дней; но какъ исполняется сей мудрый законъ? Вмѣсто трехъ сутокъ обыкновенно говорятъ «на третій день», и если кто умретъ сегодня вечеромъ, то нерѣдко уже послѣ завтра утромъ везутъ тѣло его на кладбище. Это, по общему мнѣнію, третій день; тогда какъ въ сущности только что прошли съ небольшимъ однѣ сутки. Люди, кои должны наблюдать за исполненіемъ этого закона, или сами не понимаютъ и превратно толкуютъ его, или же, по небрежности, не входятъ въ ближайшее разсмотрѣніе обстоятельствъ, допуская такимъ образомъ преждс-

временныя похороны. Если бы родные помнили, что они сами, по родству и сердцу, суть ближайшіе пріятели умирающихъ, кои потребуютъ съ нихъ когда нибудь отвѣта за тѣ ужасныя мученія, коимъ они подвергли ихъ своею поспѣшностью и невѣжествомъ, не поступали-бы они такимъ образомъ! Заставьте воображеніе ваше представить въ подробной картинѣ положеніе несчастнаго, зарытаго заживо въ могилу и просыпающагося въ обители смерти — и у васъ конечно волосъ встанетъ дыбомъ и дрожь пробѣжитъ по всему тѣлу. Несчастный открываетъ глаза, но чёрная ночь его окружаетъ; онъ хочетъ приподняться, чтобы отыскать хотя проблескъ свѣта, но усиліе его тщетно: голова его придавлена, неподвижна; онъ подается въ-сторону, и тамъ нѣтъ мѣста; ему становится душно и страшно; ощупывая руками, онъ начинаетъ распознавать окружающіе его предметы, снова глядитъ въ непроницаемую ночь, снова ощупываетъ — и съ ужасомъ наконецъ узнаётъ свое положеніе! Тщетно онъ силится кричать: крикъ его, умирая въ тѣсныхъ предѣлахъ страшной обители, не достигаетъ до человѣческаго уха; тщетно онъ силится удалить отъ себя крышу заколоченнаго гроба и неподвижную толщу земли, лежащей всею тяжестію своею на этой крышѣ; холодный потъ выступаетъ изъ тѣла несчастнаго; изнеможенный, медленно задыхаясь отъ постепенно уменьшающагося количества воздуха, онъ

ежеминутно ожидать послѣдняго своего дыханія и предается всѣмъ ужасамъ отчаянія. Счастье его, если мученіе прекратится скоро, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ или даже часовъ, — хотя такой часъ въ могилѣ долженъ быть страшнѣе самаго ужаснаго года жизни на поверхности земли; но что, если заключеннаго въ гробу воздуха станетъ на болѣе продолжительное время, не для жизни собственно, а для продленія ужаснѣйшихъ мученій? Что, если отчаяніе несчастнаго будетъ имѣть время перейти въ неистовство, которое вмѣстѣ съ голодомъ, предастъ его медленной, мучительной кончинѣ? Согласитесь, что казнь преступника должна казаться противъ этого истинной отрадой! А описаніе это, къ сожалѣнію, вовсе не есть праздный вымыселъ, для посѣленія напраснаго страха въ читателяхъ; оно, напротивъ, основано на множествѣ достовѣрныхъ фактовъ, изъ коихъ мы приведемъ нѣсколько, болѣе любопытныхъ и замѣчательныхъ.

Одинъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ въ Швеціи, по прозванію Гильдебрандтъ, владѣлъ желѣзнымъ рудникомъ Биштадтъ въ области Стерике, гдѣ была церковь, по близости которой жилъ пономарь. Однажды, поздно вечеромъ, — это случилось въ 1785 году, — пономарь услышалъ вопли и жалобные крики, раздававшіеся изъ глубины церкви. Воспитан-

ный въ суевѣріи, онъ самъ, по робости своей, не рѣшился ни на что, а поспѣшилъ только увѣдомить о происшедшемъ родныхъ своихъ. Болѣе смѣлые изъ нихъ медленными шагами подошли къ означенному мѣсту и услышали крикъ: «Боже, Іисусе! милосердіе!» Но воплн сіи были тщетны: малодушные и суевѣрные люди обратились въ бѣгство. Лишь на другой день попомарь съ товарищами вошли въ церковь, гдѣ представилась глазамъ ихъ ужасная картина: женщина, только что родившая, лежала, мертвая, въ крови, держа на рукахъ мертваго же младенца. Страшное происшествіе это объяснилось слѣдующимъ образомъ: дочь Г. Гильдебрандта, вышедшая замужъ за Барона Армфельда, отъ истощенія силъ при родахъ, повидимому скончалась. Подобно умершей, она лежала безъ памяти въ продолжительномъ обморокѣ и вскорѣ была положена въ гробъ и помѣщена въ семейный склепъ, находившійся въ самой церкви. Ночью, она пришла въ память, а вмѣстѣ съ тѣмъ возобновились боли, и наконецъ ребенокъ родился въ гробу. Въ отчаяніи она столкнула крышу съ гроба; крикъ и вопли ея раздавались въ сырой гробницѣ, но не призвали никого для спасенія погибающей отъ томительной смерти. Ей оставалось только одно: взывать о помощи къ Богу, и Милосердый прекратилъ наконецъ ея страданія. (*Hufeland*, der Scheintod. Berlin, 1808, s. 5.)

Подобная же участь постигла, въ 1730 году, крестьянку, по фамиліи Фалькъ, въ селѣ Ренгершлахъ, недалеко отъ Вербена, въ Бранденбургскомъ Алтмаркѣ. (Тамъ же, стр. 71).

Въ Гераской Народной Газетѣ напечатано о слѣдующемъ печальномъ происшествіи, случившемся въ Редахѣ, 9 Марта 1797 года: — Жена Бургомистра Гейгера, находясь въ церкви, имѣла несчастіе провалиться въ церковный склепъ, ступивъ на одну изъ половыхъ плитъ, которая обломилась. Ее тотчасъ вытащили, но при этомъ открылось ужаснѣйшее зрѣлище: двадцать лѣтъ тому назадъ, жена бывшаго Діакона Кизеветтера, умершая въ родахъ, вмѣстѣ съ новорожденнымъ, была похоронена, на четвертый день послѣ мнимой кончины своей, въ означенномъ склепѣ, и на гробъ ея поставленъ былъ гробъ младенца; по случаю же описаннаго происшествія, гробъ младенца найденъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гроба матери, и самая крышка послѣдняго сброшенною; а у трупа матери кости правой руки находились подъ чѣрепомъ и весь остовъ лежалъ на правомъ боку. (Тамъ же, стр. 138).

Валерій Максимъ разсказываетъ, что Консулъ Акилій Авіола и Преторъ Луцій Ламмія, которыхъ считали мертвыми, проснулись на горящемъ кострѣ, умоляя о спасеніи; но оно было уже невоз-

можно. (Тамъ же, стр. 4 и 309. *Val. Max.* Dicta et facta memorabilia, lib. I. cap. 8).

Баконъ Веруламскій пишетъ, что Докторъ Скоттъ, въ Кельнѣ, страдавшій каталептическими припадками, скончался и былъ преданъ землѣ. Въ послѣдствіи, когда, по просьбѣ преданнаго ему слуги, отрыли его могилу, увидѣли, что руки несчастнаго были изгрызены и голова избита. (*Jules de Fontenelle*: sur l'incertitude des signes de la mort. Paris, 1834, pag. 86).

Императоръ Зенонъ, по увѣренію Баронія, былъ похороненъ обмершимъ. Караульные, поставленные у могилы, двѣ ночи сряду слышали крики несчастнаго, но не посмѣли разрыть могилу. (Тамъ же, стр. 86).

Въ книгѣ Gallia Christiana (томъ III) говорится, что Архіепископъ Геронъ, повидимому умершій, похороненъ былъ по истеченіи двухъ дней. На третій, услышаны были вопли изъ могилы его, но имъ не повѣрили; а когда наконецъ рѣшились разрыть могилу, то нашли умершаго въ положеніи, не оставлявшемъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ жилъ еще въ гробу. (Тамъ же, стр. 86).

Пасторъ Ясоропъ, въ Нейбургѣ, также былъ погребенъ преждевременно. На слышанный въ мо-

гилѣ его шумъ сначала не обращали вниманія, но наконецъ также рѣшились разрыть ее, и по открытіи гроба увидѣли съ ужасомъ, что трупъ лежалъ ничкомъ. (*Hufeland*; Scheintod. s. 124).

Генеральша К....ръ, въ Берлинѣ, умерла въ родахъ, и тѣло ея было опущено въ склепъ, находящійся подъ Гарнизонною Церковью. Ночью, солдаты услышали визгъ и шумъ близь могилы покойницы. Опасаясь насмѣшекъ, они разсказали объ этомъ лишь немногимъ сусвѣрнымъ товарищамъ, такъ что происшествіе огласилось не ранѣе утра. Поспѣшили къ могилѣ, но уже было поздно; очнувшаяся отъ мнимой смерти испустила уже послѣднее дыханіе и болѣе не просыпалась. (Тамъ же, стр. 135. Rügen einiger Misbraeuche unseres philosoph. Jahrhunderts. 1795).

Въ Мецѣ, 15 Іюля 1688 года, похоронили цирульнаго подмастерья, который внезапно умеръ отъ удара. Спустя три дня, т. е. 18 числа, изъ могилы слышны были стоны, продолжавшіеся до другаго дня; тогда только наконецъ рѣшено было разрыть могилу; похороненнаго нашли не живымъ, но призванные врачи объявили, что онъ незадолго до разрытія былъ еще живъ. (*Jules de Fontenelle*, l. c., pag. 117).

Парижскій Хирургъ Бернаръ былъ свидѣтелемъ, какъ, въ Реолѣ, вынули одного Францискана еще живаго изъ могилы, въ которой онъ находился три или четыре дня; руки у него были изгрызены, и онъ вскорѣ дѣйствительно скончался. (Тамъ же, стр. 89).

Донъ Люкъ д'Ашери свидѣтельствуетъ, что когда могила Графа Сальма была разрыта, на другой день послѣ погребенія, по причинѣ происходившаго въ ней шума, то трупъ лежалъ бокомъ, а лице было обращено внизъ. (Тамъ же, стр. 96).

Патеръ Кальме (Dissert. sur les revenants) разсказываетъ о человѣкѣ, повидимому умершемъ отъ пьянства и похороненномъ въ Баръ-ле-Дюкѣ, что когда, вслѣдствіе слышаннаго ночью въ могилѣ его стона, на другой день открыли гробъ, то нашли несчастнаго уже мертвымъ, но съ обгрызенною рукою. (Тамъ же, стр. 97).

Докторъ Фассати сообщилъ въ письмѣ къ Юліо Фонтенелю слѣдующій случай: во время повальной-тифозной горячки, свирѣпствовавшей въ 1807 году, въ окружностяхъ Милана, найдено было въ полѣ тѣло, которое Докторъ Порта призналъ мертвымъ; трупъ положенъ былъ въ гробъ и отвезенъ въ церковный склепъ. Немного времени спустя, услышали стоны погребеннаго; священники объяснили это тѣмъ,

что душа покойника проситъ о чтеніи за упокой молитвы. Стонъ однакоже иногда повторялся, такъ что, наконецъ, по прошествіи двухъ дней, рѣшились открыть склепъ и нашли несчастнаго уже умершимъ, но внѣ гроба. Докторъ Порта былъ отрѣшенъ отъ должности, и черезъ годъ умеръ отъ угрызенія совѣсти. (Тамъ же, стр. 101).

Докторъ Васконцеллосъ разсказываетъ, что въ 1829 году, близъ города Порто, былъ открытъ могильный склепъ, въ которомъ похоронена была, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Негритянка. Тѣло ея нашли на ступеняхъ подвала: очевидно, она была зарыта живою. (Тамъ же, стр. 103).

Брюе передастъ слѣдующій фактъ, сообщенный ему Барономъ д'Эрманвиль и Профессоромъ Комбалюзье: Нотаріусъ въ Тоѣ, по прозванію Соньс, обмеръ въ сильномъ припадкѣ падучей болѣзни; его сочли умершимъ и по истеченіи 12 часовъ похоронили въ церкви. На другой день изъ гроба его слышенъ былъ шумъ, о чемъ доложили священнику, который ограничился приказаніемъ, чтобы объ этомъ молчать. Вѣсть о семъ однакоже дошла до родственниковъ умершаго, и по требованію ихъ гробъ былъ открытъ, но уже поздно: Соньс найденъ мертвымъ, съ обгрызенными руками. (Тамъ же, стр. 169).

Уничтоженіе древняго Парижскаго кладбища «des Innocents», на которомъ, со времени Короля Филиппа Прекраснаго, ежегодно хоронимо было около 3,000 покойниковъ, началось въ 1786 году и продолжалось въ разныя эпохи, по мѣрѣ надобности въ мѣстахъ для построекъ. Вырытыя въ огромномъ количествѣ кости, перевезены были въ 1827 году на кладбища Пер-ла-шезъ и Монмартръ. Присутствовавшій при семъ въ качествѣ Президента, Профессоръ Туре, находилъ много скелетовъ въ положеніяхъ, явно доказывающихъ, что погребенные перемѣнили свое положеніе въ могилѣ. Открытіе это такъ сильно поразило ученаго врача, что онъ помѣстилъ въ духовной своей особую статью, которою завѣщалъ мѣры, какія должны были быть приняты для избавленія его, по смерти, отъ подобной участи. Такія же статьи включаемы были въ духовныя завѣщанія и другими лицами. Знаменитый анатомъ прошедшаго вѣка, Винсловъ, который самъ два раза обмиралъ и едва спасся отъ преждевременнаго погребенія, и первый обратилъ вниманіе публики на этотъ предметъ, извѣстною диссертаціею «о признакахъ смерти», въ духовной своей требовалъ настоятельно, чтобы всѣ средства, въ сочиненіи его поименованныя, испытываемы были надъ его трупомъ, для удостовѣренія въ дѣйствительности смерти. Извѣстный Французскій хирургъ Маіоръ дважды на вѣку сво-

смъ былъ призываемъ къ умершимъ, для того, чтобы, согласно оставленному ими завѣщанію, увѣриться опытами въ дѣйствительности ихъ смерти, и затѣмъ еще проколоть сердце трупа. Оба умершіе были 80-лѣтніе старцы, тихо и медленно отжившіе вѣкъ свой. (Тамъ же, стр. 107 и сл.) Въ примѣръ подобнаго случая, Шерфъ приводитъ знакомаго ему священника, который въ духовной своей приказывалъ, чтобы прежде погребенія тѣла, черепъ его пробитъ былъ гвоздемъ; другой завѣщалъ влить себѣ по смерти растворъ мышьяка въ желудокъ. Шнейдеръ упоминаетъ также о священникѣ, умершемъ въ 1835 году, который завѣщалъ, чтобы старшій хирургъ прокололъ ему сердце ножемъ, за что назначалъ ему въ награду талеръ, и воля умершаго была исполнена. Богатая Англичанка, не такъ давно умершая, оставила 50 гиней тому, кто по смерти ея отдѣлитъ ей голову отъ туловища. Всю жизнь свою она мучилась мыслію быть заживо погребенною. (*Schneider*, Würdigung der Leichenhallen, Freiburg. 1839, s. 52). Вотъ до какихъ странныхъ, и можно сказать чудовищныхъ желаній доводила боязнь умереть въ могилѣ мучительнѣйшимъ изъ всѣхъ родовъ смерти!

Есть и такіе, впрочемъ весьма рѣдкіе, примѣры, что люди, заживо погребенные, спасаемы были отъ смерти благовременнымъ разрытіемъ могилы.

Дерптскій Профессоръ Вальтеръ напечаталъ слѣдующій, весьма замѣчательный случай, сообщенный ему Лифляндскимъ Пасторомъ Боркгузеномъ, изъ Икскиля, близь города Риги: крестьянская дѣвка, которую давно подозрѣвали въ беременности, отлучилась подъ вечеръ, 18 іюня 1840 года, изъ деревни и возвратилась уже поздно вечеромъ, въ замѣтно измѣненномъ видѣ. По настоятельнымъ допросамъ хозяйки, она наконецъ созналась, что родила мертваго ребенка и зарыла его въ землю. На другое утро, хозяйка съ своею матерью, взявъ лопатки, отправились на показанное служанкою, не совсѣмъ близкое отъ деревни, мѣсто, чтобы удостовѣриться въ правильности показанія. На песчаномъ холмикѣ онѣ нашли недавно взрытую землю, и раскопавъ ее на глубину около одного фута, наткнулись на кончикъ рогожи; въ это самое время имъ показалось будто онѣ услышали крикъ младенца. Продолжая рыть еще на полфута глубже, они открыли нагую, новорожденную, живую дѣвочку, которую, четыре дня спустя, принесли къ Пастору на крещеніе. Дитя это оставалось въ землѣ, на глубинѣ до полутора фута, по показанію хозяйки, около 11 часовъ, а по соображенію Г. Вальтера по крайней мѣрѣ 6 часовъ. (Neue Zeitschrift für Geburtskunde, von *Busch*. Bd. XVI, Heft 2. Berlin. 1844, pag. 155).

Въ Клермонѣ, въ Оверни, похоронили монаха, въ смерти коего никто не сомнѣвался. Изъ оставшихся на мѣстѣ погребенія людей, нѣсколько молящихся вдругъ услышали подземные вопли. Разрывъ немедленно могилу и вскрывъ гробъ, они вынули изъ него монаха, не мертваго, а живаго. (*Janin*: reflexions sur le triste sort des personnes, qui ont été enterrées vivantes. Paris. 1772, pag. 87).

Въ области города Павіи похоронили въ 1787 году священника, который, скоро послѣ погребенія, очнулся, и крикомъ и стономъ своимъ привлекъ находившихся вблизи людей. По открытіи могилы, нашли его живымъ; онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ страха и испуга. (Francfurter Kaiserl. Reichs. Post-Zeitung, von 24 Maerz 1787).

Въ церкви Іаковитовъ, въ Парижѣ, похоронили одну даму, оставивъ у нея на пальцѣ драгоцѣнный перстень. Слуга, увидѣвъ это, вздумалъ его похитить и для того скрылся въ церкви. Ночью, онъ подошелъ къ могилѣ, открылъ гробъ и принялся за работу; но не могши сдернуть перстня, воръ рѣшился просто отрѣзать палецъ. Тогда мнимая покойница громко вскрикнула. Воръ отъ испуга упалъ безъ памяти; несчастная женщина, отъ боли, испускала жалобные стоны; монахи, собравшіеся къ заутрени, услышали это, подошли къ могилѣ и вы-

нули мнимо-умершую изъ гроба. Она осталась жива, а воръ умеръ отъ испуга. (*Jules de Fontenelle*, l. c. pag. 88).

Жена книгопродавца Гарниша, въ Лейпцигѣ, впала въ сильное изнеможеніе послѣ родовъ, и повидимому скончалась. По тогдашнему обычаю, гробъ, передъ опущеніемъ въ могилу, открывали въ послѣдній разъ. Могильщики, замѣтивъ при семъ на пальцахъ покойницы перстни, разрыли ночью могилу, чтобы ихъ похитить. Когда они стали съ нѣкоторымъ усиліемъ снимать эти перстни, то покойница вдругъ отдернула руки. Испуганные могильщики убѣжали; между тѣмъ мнимая покойница мало по малу оправилась, встала изъ могилы, взяла фонарь, оставленный могильщиками, и возвратилась въ свое жилище къ обрадованному мужу. Замѣчательно, что у этой молодой четы было въ-послѣдствіи много дѣтей. (*Hufeland*: Scheintod. pag. 112).

Въ Кадильякѣ, въ недальнемъ разстояніи отъ Бордо, пономарь, собиравшійся звонить къ вечернѣ, услышалъ глухія рыданія, выходившія изъ могилы женщины, которую утромъ похоронили. Объ этомъ онъ тотчасъ донесъ Пастору, но тотъ только посмѣялся надъ его легковѣріемъ и велѣлъ возвратиться къ своему дѣлу. Пономарь, удостовѣрившись ещё разъ, что онъ не ошибся, отправился вторично

къ Пастору, который на этотъ разъ пошелъ за нимъ, и войдя въ церковь, дѣйствительно удостовѣрился въ справедливости его донесенія. Могилу открыли и нашли женщину еще живою; но она, въ отчаяніи, изгрызла себѣ правую руку. (*Niemann*: Taschenbuch der Staats-Arzneiwissenschaft. Leipzig. 1828, Bd. II. Abtheil. 1. s. 366).

Шарль, Профессоръ Медицины въ Безансонѣ, описываетъ, въ письмѣ къ Г. Брюѣ, происшествіе, случившееся въ мѣстечкѣ Долэ: однажды вечеромъ, церковный староста позволилъ прохожимъ солдатамъ переночевать въ церкви. Одинъ изъ нихъ, ночью, услышалъ выходящіе изъ склепа глухіе вопли и сообщилъ о томъ товарищамъ. Тотчасъ призвали старосту, открыли склепъ и вынули оттуда живую дѣвушку, утромъ того же дня похороненную. Дѣвушка эта жила еще много лѣтъ послѣ сего происшествія. (*Jules de Fontenelle*, pag. 91).

Въ Journal de Paris (сентябрь 1829 г.) сообщено было, что Анна Нейшвандеръ, въ Бернѣ, 28 лѣтъ отъ роду, послѣ долговременной болѣзни лишилась чувствъ и признана была врачами за умершую. На другой день вынесли ее на кладбище, гробъ опустили въ могилу и стали уже набрасывать землю, какъ услышали стонъ. Гробъ тотчасъ же открыли, обмер-

щую отвезли домой, и вскорѣ возвратили ей жизнь. (Тамъ же, стр. 103).

Приведемъ засимъ нѣсколько такихъ примѣровъ, гдѣ обмершіе оживали еще до совершенія похоронъ.

Въ 1732 году, въ Версали, 18-лѣтняя дѣвица, послѣ кратковременной болѣзни впала въ летаргію, которая прекратила въ ней всѣ признаки жизни. По прошествіи сутокъ, приступили къ погребенію. Покойницу несли дѣвицы ея возраста; почувствовавъ дорогою внезапное движеніе въ гробу, онѣ бросили его и убѣжали, а сопровождавшіе шествіе, открывъ гробъ, подняли возставшую, которая скоро оправилась и еще нѣсколько лѣтъ послѣ того жила въ совершенномъ здоровьѣ. (*Janin*; reflex. pag. 87).

Сальмутъ (Observ. centur. II) разсказываетъ о женщинѣ въ Лейпцигѣ, обмершей въ истерическомъ припадкѣ. Тѣло ея было уже положено въ гробъ, и собравшимся на похороны гостямъ оставалось только отобѣдать, по тамошнему обычаю, чтобы приступить къ окончанію обряда погребенія, какъ обмершая встала изъ гроба и явилась въ комнатѣ, гдѣ обѣдали гости. При видѣ ея, всѣ они разбѣжались, не смотря на то, что она кричала имъ: «что̀ вы бѣжите, развѣ вы не узнаете меня! это я». Наконецъ, разбѣжавшіеся со-

брались опять, и увѣрились на дѣлѣ, что явившаяся имъ женщина была не привидѣніе, а покойница ихъ, ожившая въ гробѣ. (*Jules de Fontenelle*, l. c. p. 187).

Св. Августинъ пишетъ про умершаго въ Римѣ священника Андрея, что на другой день послѣ смерти онъ ожилъ въ церкви, во время похоронныхъ обрядовъ, въ присутствіи Папы и всего духовенства. (Тамъ же, стр. 88).

Жена Пастора Кригера, въ деревнѣ Гросъ-Швехтенъ, недалеко отъ Штендаля, была подвержена истерическимъ припадкамъ. Она боролась съ ними много лѣтъ, но наконецъ силы ея истощились и она повидимому скончалась. Прибывшій изъ Штендаля врачъ засталъ ее уже въ гробу; не смотря на это однакожъ, стараніями его, по прошествіи двухъ дней, она приведена была въ чувство, стала здоровѣе прежняго, родила въ-послѣдствіи сына и жила еще девять лѣтъ. (*Hufeland*, Scheintod. s. 142).

Въ книгѣ: «Les principaux phenomènes de la nature» говорится, что одинъ Аббатъ захворалъ и впалъ въ летаргію. Думали, что онъ умеръ и положили его въ гробъ; кошка, которую мнимоумершій очень любилъ, бѣгала безпрестанно вокругъ гроба, мяукала и не давала людямъ покоя. Прислужники положили ее также въ гробъ, не ска-

завъ объ этомъ никому. Когда тѣло несли на кладбище, то больной пришелъ въ себя, слышалъ погребальное пѣніе, чувствовалъ что у него на груди лежитъ какая то тяжесть и что онъ связанъ; послѣ большихъ усилій, онъ высвободилъ наконецъ одну руку и сильно ущипнулъ кошку, которая громко замяукала. Погребальное шествіе остановилось, съ трепетомъ открываютъ гробъ, и видятъ, что изъ него со всѣхъ ногъ выскакиваетъ кошка, а въ-слѣдъ за нею встаетъ и покойникъ. (*Jules de Fontenelle*, l. c. pag. 195).

Во время похоронъ въ Парижѣ нѣкоторой Г-жи Ланглоа, она внезапно зашевелилась въ гробу; присутствовавшіе замѣтили это движеніе, открыли гробъ, и вынули ожившую, которая послѣ того жила еще долгое время. (Тамъ же, стр. 89).

Г. Руссо, въ Руанѣ, отправившись изъ города на нѣсколько дней, оставилъ 14-лѣтнюю жену свою совершенно здоровою, какъ вдругъ, на третій день послѣ отъѣзда, получаетъ извѣстіе, что она умерла. Тотчасъ же пустился онъ въ обратный путь, но засталъ жену свою уже въ заколоченномъ гробѣ, выставленномъ у воротъ дома, и окруженномъ священниками, готовыми для похоронъ. Немедленно приказалъ онъ раскрыть гробъ, и внести покойницу въ комнату, а призванному цирюльнику велѣлъ по тѣлу

ся дѣлать насѣчки. При 26 нарѣзѣ она очнулась, вскрикнувъ: «что вы меня мучите?» Женщина эта совершенно оправилась и въ-послѣдствіи родила, какъ пишутъ, 26 человѣкъ дѣтей. (Тамъ же, стр. 96).

Жена извѣстнаго въ свое время Адвоката Дюгамеля, въ Парижѣ, по свидѣтельству Морнака, лежала цѣлыя сутки на столѣ, какъ умершая, и готовились уже приступить къ похоронамъ, какъ мужъ ея, вспомнивъ что покойница очень любила пѣніе при звукахъ арфы, велѣлъ призвать музыканта, отъ пѣнія и музыки коего обмершая ожила. Послѣ того она прожила еще 40 лѣтъ. (Тамъ же, стр. 97).

Нарбонскій купецъ Дутръ умеръ отъ нервной горячки въ монастырѣ Іаковитовъ, въ Перпиньянѣ. Уже началось окончательное погребальное пѣніе, какъ одинъ изъ его пріятелей замѣтилъ легкое движеніе глазъ умершаго; его тотчасъ отнесли домой и возвратили къ жизни. Г. Дутръ былъ живъ еще въ 1843 году, 42 года послѣ этого происшествія. (Тамъ же, стр. 101).

Докторъ Крафтъ (Observat. III) разсказываетъ объ обмершемъ крестьянинѣ въ Курселѣ, близъ Невшателя. Тѣло покойника опускали уже въ могилу, какъ вдругъ онъ зашевелился. Его отнесли домой и возвратили къ жизни. Съ тѣхъ поръ

онъ былъ прозванъ «Курсельскимъ покойникомъ». (Тамъ же, стр. 200).

Академія Монтобанская сообщила Г. Брюѣ, что такимъ же образомъ ожилъ пролежавшій въ гробѣ 24 часа каноникъ Мерсье, кого считали умершимъ отъ долговременной болѣзни. Прійдя въ себя, онъ сбросилъ съ головы клобукъ, въ которомъ былъ положенъ, но на другой день дѣйствительно скончался и былъ похороненъ. (Тамъ же, стр. 202).

Одинъ рабочій, оказавшійся по осмотрѣ умершимъ, чрезъ сутки былъ отвезенъ на кладбище, отведенное для бѣдныхъ. Привозимые на это мѣсто трупы не тотчасъ погребались, но оставались въ особомъ зданіи до тѣхъ поръ, пока ихъ набиралось извѣстное количество, а потомъ хоронили ихъ въ одной общей могилѣ. Бывшій вблизи означеннаго зданія могильщикъ вдругъ услышалъ въ немъ стукъ; онъ оглянулся и невидя никого, продолжалъ работать; но повторившійся снова стукъ побудилъ могильщика войти въ зданіе. Тамъ стояло три гроба, и стукъ этотъ раздавался въ одномъ изъ нихъ. Созвавъ товарищей, могильщикъ открылъ гробъ, и изъ него вышелъ оживший рабочій. (Hamburges Zeitung, 1797 г. іюля 19).

Въ 1759 году, въ улицѣ Дю-фуръ, въ Парижѣ, умерла повидимому одна женщина; по тогдашнему

обычаю, ее положили на солому, съ зажженною свѣчею у ногъ. Приставленные къ трупу караульные опрокинули нечаянно свѣчу; солома загорѣлась, и покойница, объятая пламенемъ, закричала. Вскорѣ послѣ того она оправилась, а въ послѣдствіи имѣла много дѣтей. (*Jules de Fontenelle*, l. c. pag. 92).

Аббатъ Менонъ, Секретарь Академіи Наукъ въ Анжерѣ, разсказываетъ о женщинѣ, умершей въ тамошней городской больницѣ и отнесенной уже въ камеру для умершихъ, что когда, 24 часа спустя, хирургъ приступилъ ко вскрытію тѣла, то при первомъ разрѣзѣ на груди, обмершая вскрикнула и была спасена. Она прожила еще 51 годъ. (Тамъ же, стр. 98).

Тѣло умершаго въ Рошфортской госпитали, военно-плѣннаго Англичанина лежало въ камерѣ умершихъ. Студентъ, выбравъ его для своихъ хирургическихъ упражненій, сдѣлалъ операцію кровопусканія изъ шейной вены. Кровь брызнула струею и Англичанинъ ожилъ; прійдя въ память, онъ кинулся на студента, долго боролся съ нимъ и наконецъ оба вмѣстѣ повалились на полъ — студентъ, обмирая отъ испуга, а Англичанинъ въ обморокѣ, отъ значительной потери крови. Къ счастію, люди подоспѣли вовремя и спасли обоихъ. Англичанинъ выздоровѣлъ, а студентъ, по фамиліи Моанъ, въ-послѣдствіи ча-

сто разсказывалъ о смертельномъ испугѣ своемъ при этомъ приключеніи. (Тамъ же, стр. 99).

Бо́льшая часть приведенныхъ примѣровъ заимствована изъ достовѣрныхъ иностранныхъ писателей, у коихъ они находятся въ такомъ множествѣ, что весьма легко было бы удвоить число выписокъ. Къ сожалѣнію, мы не могли привести соразмѣрнаго числа́ примѣровъ, случившихся въ нашемъ отечествѣ, не потому, чтобы ихъ не было, а потому, что случаи эти у насъ остаются въ безгласности. Словеснымъ разсказамъ и преданіямъ не всегда можно вѣрить; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что у насъ подобныя происшествія случались и впредь могутъ случаться, точно также, какъ и въ чужихъ краяхъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ въ наши времена, обыкновенно поступаютъ съ умершими осторожнѣе и предусмотрительнѣе, чѣмъ у насъ. Посему, человѣколюбіе и здравый разсудокъ требуютъ, чтобы мы, не дожидаясь обнародованія подобныхъ несчастныхъ случаевъ въ нашемъ отечествѣ, приняли мѣры противъ нихъ, наученные чужимъ опытомъ.

Но спрашивается: какія именно мѣры, какими способами можно распознавать настоящую смерть отъ мнимой, и въ какихъ случаяхъ, послѣ какихъ преимущественно болѣзней, должно опасаться сей послѣдней? Займемся сначала предложенными вопро-

сами о мнимой смерти, а потомъ перейдемъ и къ самымъ мѣрамъ противъ этого ужаснѣйшаго изъ бѣдствій.

О смерти и признакахъ ея.

Смерть есть прекращеніе жизни; иначе опредѣлить ее невозможно. Но что такое жизнь? Не спрашивайте этого; никто еще не объяснилъ и не выразилъ словами этого состоянія; не спрашивайте даже у ученыхъ, написавшихъ цѣлые томы, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить значеніе этого слова. Описывая жизненныя явленія, одно за другимъ, съ величайшею подробностію, всякій изъ нихъ давалъ свое опредѣленіе жизни, и цѣлые томы можно составить опять изъ ихъ толкованій. Но старанія ученыхъ были тщетны. Эта величественная сила природы осталась загадкою для насъ, и, вѣроятно, навсегда непроницаемою тайною Творца. Довольно того, что мы живемъ, что мы чувствуемъ, живя, сей величайшій даръ природы, и по чувству нашему знаемъ, что такое жизнь; она ведетъ насъ отъ возраста младенческаго къ старости, она льется въ жилахъ нашихъ, она двигаетъ члены наши и дѣйствуетъ въ чувствахъ нашихъ; находясь въ безпрестанной борьбѣ съ общими силами природы, она оберегаетъ насъ отъ разрушающаго ихъ вліянія; не взирая на безусловную зависимость отъ главныхъ источниковъ своихъ, теплоты, воды и воздуха, она

направляетъ ихъ дѣйствія такъ, что при непрерывномъ возобновленіи плоти, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняются жизненныя формы и отправленія. Съ прекращеніемъ жизни, тѣ же самыя стихіи, дотолѣ питавшія и сохранявшія оживленное тѣло, начинаютъ разрушать безжизненный трупъ, разлагая его на основныя начала.

Хотя жизнь проницаетъ равнымъ образомъ всѣ части тѣла, отъ мозга до послѣдняго волоска, но въ важности частей, относительно поддержанія жизни человѣка, есть существенная разница. Нѣкоторые центральные органы суть преимущественно хранители жизни, которая не можетъ продлиться безъ непрерывнаго, совмѣстнаго ихъ дѣйствія. Органы сіи суть: *мозгъ* съ своими принадлежностями, *сердце* и *легкія*. Всѣ части тѣла нуждаются, для поддержанія собственной своей жизни, въ притеченіи алой, артеріальной крови; преимущественно же находится въ этой зависимости мозгъ, главный правитель всѣхъ жизненныхъ дѣйствій; безъ ежеминутнаго притока къ нему питающей его и оживляющей крови, онъ тотчасъ же перестаетъ дѣйствовать, а затѣмъ немедленно слѣдуетъ бездѣйствіе всѣхъ прочихъ органовъ. Сердце есть двигатель артеріальной крови, которая приготовляется въ легкихъ, чрезъ сообщеніе съ наружнымъ воздухомъ, въ процессѣ дыханія. Легкія и сердце, поэтому, на-

ходятся у живаго человѣка въ безпрестанномъ движеніи, какъ мы это видимъ въ дыханіи, въ біеніи сердца и пульса, въ продолженіе всей жизни человѣка. Такимъ же образомъ мозгъ, коего дѣйствіе намъ особенно замѣтно въ движеніи членовъ, въ чувствительности тѣла, въ самопознаніи и въ умственныхъ способностяхъ человѣка, безостановочно дѣйствуетъ, даже и тогда, когда онъ повидимому отдыхаетъ, т. е. когда человѣкъ спитъ. Всѣ эти три органа находятся въ тѣснѣйшей взаимной между собою связи: остановись дѣйствіе одного изъ нихъ, то въ скорости за симъ послѣдуетъ тоже и съ другими двумя, вся жизненная машина останавливается, и человѣкъ умираетъ.

Соотвѣтственно съ симъ, врачи и физіологи раздѣлили смерть, или прекращеніе жизни, на три главные вида: на смерть, проистекающую отъ *мозга*, смерть отъ *сердца* и смерть отъ *легкихъ*, и говорятъ, что въ первомъ случаѣ она послѣдовала отъ *удара*, во второмъ — отъ *обморока*, а въ третьемъ — отъ *задушенія*. И въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ смерть имѣетъ ближайшую свою причину въ остановленіи дѣйствія одного изъ сихъ трехъ органовъ, особенно же во всѣхъ случаяхъ смерти скоропостижной; гораздо рѣже бываетъ смерть общая, повсемѣстная и одновременная по всему тѣлу, какъ то случается послѣ нѣкоторыхъ продолжительныхъ болѣзней, при общемъ худосочіи, или же при

естественной смерти отъ старости. Въ послѣднихъ случаяхъ, смерть имѣетъ свое начало въ самой крови, потерявшей питательную и живительную силу свою; и потому смерть крови есть четвертый видъ смерти.

Изъ этого краткаго изложенія слѣдуютъ первые, общіе и всякому извѣстные, признаки смерти: безпамятство, безчувственность, недвижимость тѣла, отсутствіе дыханія и сердцебіенія. При совмѣстномъ появленіи всѣхъ этихъ признаковъ у человѣка, обыкновенно говорятъ, что человѣкъ умеръ; и въ большинствѣ случаевъ выраженіе это справедливо. Вышеприведенные примѣры мнимой смерти доказываютъ однакоже, что правило это не безъ исключеній. Природа, чрезвычайно разнообразная въ своихъ явленіяхъ, иногда ускользаетъ отъ нашихъ наблюденій и теорій, и ограниченный умъ человѣческій не въ состояніи слѣдовать повсюду за ея страшностями и изъяснить видимыя противорѣчія, въ явленіяхъ ея встрѣчаемыя. Въ такомъ положеніи мы находимся относительно мнимой смерти, которая на самомъ дѣлѣ не есть смерть, но тайная, сокровенная жизнь, или жизнь въ облаченіи смерти. Средняго состоянія между жизнію и смертью допустить невозможно, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ. Человѣкъ, во всякомъ случаѣ, либо живъ, либо мертвъ, одно изъ двухъ. Переходъ отъ одного состоянія къ другому

можетъ быть весьма медленъ и тихъ, но граница въ природѣ рѣзка, и кто разъ переступилъ ее, тотъ уже не воротится къ жизни. Переходъ этотъ мы видимъ, но чувства наши слишкомъ слабы для узнанія граничной черты. Въ состояніи мнимой смерти, главнѣйшія жизненныя отправленія весьма вѣроятно продолжаются еще незамѣтнымъ образомъ, и самое кровообращеніе вѣроятно не останавливается совершенно; но предположеніе это остается гадательнымъ: для нашихъ чувствъ, обмершій подобенъ часамъ, остановившимся, но еще заведеннымъ; двиньте маятникъ, и онъ снова пошелъ въ ходъ и стрѣлки опять пошли по прежнему; такъ искра таится подъ пепломъ; если ее раскрыть и раздуть, давъ ей пищу — она разгорится; если оставить — она вскорѣ угаснетъ навсегда.

Не пускаясь въ теоретическія, болѣе или менѣе остроумныя, а все-таки гадательныя изъясненія мнимой смерти, и не считая нужнымъ приводить различныя мнѣнія ученыхъ объ этомъ предметѣ, мы довольствуемся фактами, не оставляющими никакого сомнѣнія въ томъ, что люди, повидимому умершіе, нерѣдко приходили въ память по истеченіи двухъ и трехъ сутокъ, а въ иныхъ случаяхъ по истеченіи 4 и даже 8 дней. У писателей находятся примѣры мнимой смерти, продолжавшейся до двухъ и болѣе мѣсяцевъ; но при-

мѣры эти сомнительны и потому мы объ нихъ не будемъ говорить.

Весьма замѣчательно, что бывали люди, одаренные рѣдкою способностію обмирать по произволу, или, лучше сказать, притворяться умершими. Не говоря о тѣхъ, которые умѣютъ останавливать на короткое время біеніе сердца и артерій, я приведу извѣстный изъ многихъ сочиненій примѣръ Англійскаго Полковника Тауншенда *. Бывъ боленъ съ давняго времени, онъ однажды призвалъ къ себѣ трехъ врачей, чтобы они присутствовали при смерти его и возстаніи. Онъ легъ въ присутствіи ихъ въ постель, на спину; чрезъ минуту онъ уже не дышалъ болѣе, сердце перестало биться и онъ, повидимому, лишился чувствъ и памяти. Зеркало, подставленное ко рту и къ носу, не тускло; цѣлые полчаса обмершій лежалъ въ этомъ положеніи и врачи уже считали его жертвою этой ужасной шутки или опыта, какъ мало по малу начало возстановляться дыханіе, потомъ біеніе сердца, и наконецъ человѣкъ этотъ пришелъ въ себя; затѣмъ, онъ преспокойно велѣлъ призвать нотаріуса, написать духовную, и 8 часовъ спустя дѣйствительно скончался. Еще занимательнѣе разсказъ Англійскаго журнала Indian Journal of med. and. phys. sciences, перешедшій, въ 1837 году, во многіе Европей-

* Devergie, Medecine légale. Paris. 1840. Tom. I, pag. 135.

скіе журналы. Здѣсь рѣчь идетъ объ Индѣйцѣ, позволявшемъ закладывать себя въ склепъ, на нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ. Онъ путешествовалъ по Восточной Индіи, показывая свое искуство за деньги. Очевидецъ одного изъ сихъ опытовъ разсказываетъ, что этого Индѣйца, зашитаго въ мѣшокъ, сажали въ могильный склепъ, который непосредственно затѣмъ закладывался камнемъ. Весь склепъ былъ обитъ сукномъ, дабы бѣлые муравьи и другія насѣкомыя не безпокоили заживо погребеннаго. Когда по истеченіи мѣсяца, склепъ открыли, то Индѣецъ былъ вынутъ въ совершенномъ безпамятствѣ; глаза у него были закрыты, руки судорожно сжаты и неподвижны, зубы такъ сильно стиснуты, что нужно было раздвинуть челюсти желѣзнымъ орудіемъ, дабы влить въ ротъ нѣсколько капель воды. По немногу онъ оправлялся однакожъ и приходилъ въ себя. Послѣ этого, первое время онъ пилъ и ѣлъ весьма осторожно и умѣренно, равно какъ семь или восемь дней до опыта, онъ питался однимъ молокомъ, въ самомъ умѣренномъ количествѣ.

Но пора обратиться опять къ вопросу нашему о признакахъ дѣйствительной смерти и о различеніи ея отъ мнимой. Самое названіе *мнимой* смерти доказываетъ, что такихъ признаковъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ нѣтъ до истеченія извѣстнаго срока. Если

бы легко было различить это состояніе отъ смерти, то кому бы пришло въ голову назвать его мнимою смертію? Если бы можно было различить во *всякое время* и во *всякомъ случаѣ* эти два состоянія, то никогда бы искусные врачи не впадали въ такую страшную ошибку, вскрывая заживо человѣка, котораго считаютъ мертвымъ. Но у писателей есть нѣсколько такихъ примѣровъ, какъ мы, частію, уже видѣли выше, и одинъ изъ нихъ случился съ весьма знаменитымъ анатомомъ XVI столѣтія, Везаліемъ: обмершій знатный Испанецъ очнулся подъ ножемъ сего анатома, въ то самое время, когда смертельный разрѣзъ уже былъ произведенъ. Даже у насъ въ Россіи произошелъ такой случай; но онъ не былъ въ свое время оглашенъ и потому теперь трудно собрать вѣрныя и точныя о немъ свѣдѣнія. Говорятъ, что вскрытіе трупа было предоставлено фельдшеру, который едва успѣлъ сдѣлать разрѣзъ груди, какъ мнимый покойникъ схватилъ его за руку; это было послѣднимъ движеніемъ обмершаго, послѣ чего онъ тутъ же дѣйствительно умеръ.

Послѣ общихъ признаковъ смерти, не составляющихъ еще никакого доказательства ея дѣйствительности, должно упомянуть еще о слѣдующихъ, впрочемъ тоже не менѣе сомнительныхъ явленіяхъ:

1) Охлажденіе тѣла, хотя и есть постоянный признакъ смерти, однако встрѣчается также

и у мнимо-умершихъ, напримѣръ у обмершихъ въ истерическомъ припадкѣ, у замерзшихъ и проч. Иногда даже трупы сохраняютъ теплоту довольно долго, до 20 часовъ и болѣе, напримѣръ трупы угорѣвшихъ.

2) Особенное выраженіе и впалость лица̀ умершаго есть признакъ весьма невѣрный. Кто изъ насъ не помнитъ этихъ истинно мертвыхъ лицъ у заболѣвавшихъ холерою, изъ коихъ однакоже многіе остались живы, не смотря на разительное развитіе такъ-называемаго «гиппократическаго лица̀». Съ другой стороны, дѣйствительно умершіе иногда сохраняютъ долгое время свѣжесть, полноту, и даже краску въ лицѣ.

3) желтизна ладоней и подошвъ.

4) Потеря прозрачности раскрытой ладони и пальцевъ на свѣтъ или огонь.

5) Разслабленіе смыкательныхъ мышцъ, особенно задняго прохода.

6) Потеря упругости тѣла.

Всѣ эти признаки сами по себѣ такъ обманчивы, что ни одинъ свѣдущій врачъ имъ не довѣряетъ. Они могутъ быть значительны развѣ только въ совокупности своей и при другихъ важнѣйшихъ обстоятельствахъ; но каждый изъ нихъ

7) Обвисаніе нижней челюсти.

8) Неистеченіе крови при кровопусканіи и неопуханіе вены ниже перевязки.

9) Сжатіе ручныхъ пальцевъ въ кулакъ, такъ что большой палецъ закрывается прочими.

10) Синебагровыя пятна по тѣлу.

11) Запахъ, не отъ гніенія, а извѣстный подъ названіемъ «запаха отъ покойника».

отдѣльно не имѣетъ никакого значенія, потому что нерѣдко встрѣчается у мнимоумершихъ, и не всегда оказывается у дѣйствительно умершихъ.

12) Нѣкоторые изъ новѣйшихъ физіологовъ полагали несомнѣннымъ признакомъ смерти извѣстное измѣненіе вида микроскопическихъ кровяныхъ шариковъ. Съ наступленіемъ смерти, шарики эти, теряя свою упругость и круглый видъ, и уменьшаясь въ объемѣ, вянутъ и морщатся, а края ихъ дѣлаются неровными. Не говоря уже о томъ, что микроскопическое изслѣдованіе не вездѣ можетъ быть предпринято и требуетъ особенныхъ свѣдѣ-

ній и упражненій, и что, слѣдовательно, признакъ сей имѣетъ мало практической пользы, должно еще замѣтить, что означенная перемѣна въ крови дѣлается постепенно, и что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, напримѣръ въ холерѣ, по наблюденію тѣхъ же ученыхъ, оказываются весьма похожія измѣненія кровяныхъ шариковъ, трудно-различаемыя отъ первыхъ. Всѣ сдѣланныя доселѣ по сему изслѣдованія относились впрочемъ только къ дѣйствительно умершимъ; а для надлежащей полноты опыта и оцѣнки сего признака, слѣдовало бы имѣть достаточное число наблюденій этого рода относительно обмершихъ; и потому, доколѣ этого не будетъ исполнено, признакъ сей не можетъ быть примѣненъ къ практикѣ.

13) Оцѣпенѣніе членовъ наступаетъ у умершихъ иногда на первый же день по смерти, а иногда гораздо позже. Оцѣпенѣніе это можетъ быть такъ сильно, что тѣло, поднятое за голову или за ноги, не сгибается, а остается въ прямомъ положеніи, какъ доска. Признакъ этотъ постоянно сопровождаетъ смерть и имѣетъ большое значеніе въ соображеніяхъ свѣдущаго по этой части человѣка; но, къ сожалѣнію, во первыхъ, состояніе это не всегда бываетъ довольно продолжительно, чтобы у всякаго трупа можно было застать время его появленія; а во вторыхъ, оно весьма похоже на другой родъ судорожнаго или

столбнячнаго оцѣпенѣнія членовъ, случающагося у живыхъ, при судорогахъ и въ обморокѣ, и у обмершихъ вслѣдствіе сихъ болѣзней. Даже оцѣпенѣніе тѣла, встрѣчаемое у замерзшихъ и утопшихъ въ холодной водѣ, не легко, а часто и вовсе не отличается отъ этого явленія. Надлежащая оцѣнка сего признака есть дѣло совѣстливаго и опытнаго врача; люди же несвѣдущіе легко могутъ ошибиться.

14) Впалость глазныхъ яблокъ и тусклость роговой оболочки глаза, покрывшейся весьма тонкимъ слоемъ слизи, есть одинъ изъ лучшихъ признаковъ, но совершенно довѣрять ему нельзя. Докторъ Розенбергеръ имѣлъ случай наблюдать эти признаки, въ разительномъ развитіи, у одного медленно умиравшаго, послѣ продолжительной тифозной горячки, 40-лѣтняго мущины, наканунѣ смерти, когда пульсъ и дыханіе еще слабо продолжались и даже память не совсѣмъ еще исчезла. Умиравшій этотъ, изнуренный продолжительною болѣзнію, представлялъ почти одинъ только обтянутый кожею остовъ, и весь покрытъ былъ темными пятнами; въ немъ, конечно, оставалось въ то время уже менѣе жизни, чѣмъ въ мнимо-умершемъ, коему жизнь еще можетъ быть возвращена; не менѣе того онъ жилъ еще, не смотря на помянутое явленіе. Оно, впрочемъ, оказывается только тогда, когда общее разложеніе тѣла и гніеніе уже близки, и въ строгомъ смыслѣ

принадлежитъ уже къ признакамъ частной смерти и гнилости.

15) Врачи, не довольствуясь наблюденіемъ признаковъ, кои появляются сами собою у труповъ, старались узнавать дѣйствительность смерти сообенными, искуственными испытаніями. Для сего предлагали: держать зеркало или зажженную свѣчу передъ носомъ или устами обмершаго; ставить наполненный водою стаканъ на грудь его, чтобы замѣтить малѣйшій тускъ на зеркалѣ, или движеніе пламени и воды отъ самаго слабаго дыханія. Но опыты эти совершенно ничтожны; гораздо важнѣе —

16) Испытаніе чувствъ обмершаго раздражающими средствами: сильными нюхательными спиртами, крѣпкими промывательными, особенно табачными; приложеніемъ мушечнаго пластыря, крѣпкой горчицы и проч., обжиганіемъ кожи, посредствомъ кипятка, сургуча, моксы или раскаленнаго желѣза, хотя однакоже и эти средства оставались иногда безъ дѣйствія у обмершихъ, кои въ послѣдствіи оживали. Всякому опытному врачу извѣстно, что самыя сильныя раздражающія средства, употребленныя въ болѣзненныхъ припадкахъ, остаются иногда безъ дѣйствія и больной даже вовсе ихъ не чувствуетъ, какъ напримѣръ въ припадкѣ падучей болѣз-

ни и при параличахъ. Между прочимъ, доктору Розенбергеру случилось два раза видѣть огромныя раны съ омертвѣніемъ мягкихъ частей, кожи и подкожнаго жира на ягодицѣ, на пространствѣ четырехъ и пяти дюймовъ въ діаметрѣ и 1½ дюйма въ глубину, вслѣдствіе обжога этихъ частей тѣла на горячей русской лежанкѣ. Въ обоихъ случаяхъ обжогъ случился во время сна, одинъ разъ—у пьянаго матроса, а другой—у двѣнадцатилѣтней, здоровой дѣвушки; какъ тотъ, такъ и другая, не почувствовали во время сна столь значительнаго обжога и даже не проснулись отъ него; а легко понять, что обмершій находится еще въ бо́льшей степени безчувственности, нежели спящій.

17) Особенную важность нѣкоторые врачи приписывали раздраженію обнаженной мышцы посредствомъ галванизма, полагая, что мышца не содрогнется, если жизнь угасла, въ противномъ же случаѣ дѣйствительность смерти еще подлежитъ сомнѣнію; другіе однакоже увѣряютъ, будто обмершіе оживали еще и въ такихъ случаяхъ, когда мышцы не содрагались болѣе отъ галванизма,—но достовѣрныхъ примѣровъ сему они не приводятъ. Вообще, опытовъ этого рода надъ мнимо-умершими не имѣется еще досель въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы можно было вывести изъ нихъ вѣрное заключеніе. Во всякомъ случаѣ, средство это должно

еще-покуда считать сомнительнымъ, какъ потому, что гальванизмъ иногда не оказываетъ никакого дѣйствія и у живаго человѣка, на части, совершеннымъ параличемъ пораженныя, такъ и потому, что нѣкоторые яды, напримѣръ окисъ углерода, значительно уменьшаютъ, или на время даже вовсе уничтожаютъ, чувствительность тѣла къ гальваническому току.

Вообще медицинскія испытанія скорѣе могутъ возбудить вѣрное подозрѣніе о мнимой смерти, чѣмъ доказать истинную. Въ этомъ отношеніи онѣ конечно имѣютъ большое значеніе въ рукахъ искуснаго врача.

Признавъ, такимъ образомъ, недостаточность и сомнительность всѣхъ такъ-называемыхъ «признаковъ смерти», мы должны остановиться, наконецъ, на единственно вѣрномъ, ни кѣмъ еще не опровергнутомъ и неопровергаемомъ признакѣ ея,—на *общей гнилости трупа*, которая появляется не всегда въ одинъ срокъ, а ранѣе или позже, смотря по тѣлосложенію умершаго, по болѣзни, отъ которой онъ умеръ, по времени года, по сухости или сырости комнаты, по свойству земли, въ которой трупъ находится, по температурѣ воздуха и по многимъ другимъ обстоятельствамъ; гнилость эта рѣдко оказывается на первый день, чаще на второй, обыкновенно на третій или на четвертый, иногда же

не ранѣе какъ по истеченіи нѣсколькихъ — случается даже по истеченіи 20 дней: *время* однимъ словомъ, есть единственный, вѣрнѣйшій судія жизни или смерти.

Гнилость трупа узнается изъ совмѣстнаго появленія слѣдующихъ признаковъ: 1) изъ темнаго, синебагроваго или зеленаго цвѣта поверхости тѣла, появляющагося сперва на брюшныхъ покровахъ, около пупка. 2) Изъ размягченія и вялости всѣхъ частей тѣла. 3) Изъ особеннаго запаха гнилости. Эти признаки должны быть общіе по всему тѣлу и въ нихъ должно быть замѣтно постепенное распространеніе. Имѣя въ виду эти два условія, нельзя уже будетъ смѣшивать гнилость трупа съ частнымъ омертвѣніемъ какой либо части, или такъ-называемымъ «антоновымъ огнемъ», случающимся у больныхъ и обмершихъ.

Дабы, въ случаѣ дѣйствительной смерти, ускорить появленіе на трупѣ гнилости, а съ тѣмъ вмѣстѣ выдти скорѣе изъ всякаго сомнѣнія, предложены были искуственные способы, которые въ этомъ отношеніи могутъ быть полезны и противъ которыхъ нечего сказать, если они такого рода, что не могутъ вредить обмершимъ. Такъ, напримѣръ, приложеніемъ на животъ мокраго полотенца уско-

ряется появленіе синяго или зеленаго цвѣта брюшныхъ покрововъ, перваго явнаго признака гнилости.

Ученые раздѣляютъ гнилость трупа на разныя степени и періоды, о коихъ умолчимъ здѣсь, какъ о предметѣ собственно судебно-врачебномъ. Признаки гнилости сами собою слишкомъ извѣстны и слишкомъ легко распознаются, чтобы нужно было представлять читателю непріятную картину того состоянія, въ которомъ тѣло, принадлежавшее человѣку, теряетъ образъ человѣческій и поступаетъ во владѣніе неорганическихъ силъ природы, разлагаясь на отдѣльныя составныя части свои.

Разсужденія эти о признакахъ смерти естественно ведутъ къ тому заключенію, что должно имѣть въ виду возможность мнимой смерти у всякаго покойника, до появленія на немъ несомнѣнныхъ признаковъ гніенія, и что мы обязаны во всякомъ случаѣ сообразовать наши дѣйствія съ этою возможностію. Мы имѣемъ право отступить отъ сего общаго правила тогда только, когда дѣйствительность смерти не можетъ подлежать сомнѣнію, по причинѣ безусловно-смертельныхъ поврежденій важнѣйшихъ органовъ, напримѣръ если у кого голова отдѣлена отъ туловища, если сердце насквозь пронзено смертельнымъ орудіемъ и т. д. Сюда при-

надлежатъ также предшествовавшія, неизлечимыя органическія поврежденія важныхъ частей, напримѣръ: лопнувшіе аневризмы сердца и большихъ сосудовъ, обширный внутренній ракъ и пр. Послѣдніе, не такъ очевидные, случаи, должны однакоже быть обсуживаемы и оцѣняемы опытными врачами.

Съ другой стороны, должно имѣть сильное подозрѣніе о присутствіи мнимой смерти въ слѣдующихъ случаяхъ: когда тѣло почитаемаго умершимъ долго не остываетъ, особенно подъ ложечкой; когда голова долго сохраняетъ непринужденное свое положеніе, не поддаваясь общимъ законамъ тяжести; когда ямки, образующіяся при давленіи пальцемъ мягкихъ частей, сами собою опять наполняются; когда оконечности долго не цѣпенѣютъ, а остаются гибкими; когда кожа мягка и гладка; когда краска на щекахъ не исчезаетъ и черты лица долго не измѣняются; когда кровь вытекаетъ изъ открытыхъ венъ; особенно же когда сами собою или вслѣдствіе опытовъ, окажутся хоть малѣйшія искры жизни, какъ напримѣръ: движеніе какой либо части тѣла, содраганіе какой либо мышцы, сжиманіе глазнаго зрачка отъ свѣта, краснота или пузырки на кожѣ отъ приложенныхъ къ ней мушекъ, горчицы, кипятка, раскаленнаго желѣза и тому подобныхъ средствъ.

О болѣзняхъ и другихъ обстоятельствахъ, располагающихъ къ обмиранію.

Подозрѣніе въ мнимой смерти нерѣдко усиливается смотря по болѣзнямъ и по другимъ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ оной, хотя, въ строгомъ смыслѣ, никакая болѣзнь неизъята изъ возможности причинять иногда мнимую смерть; есть примѣры, что обмершіе отъ продолжительныхъ болѣзней, даже отъ чахотки, оживали.

Эшенбахъ приводитъ примѣръ 50-лѣтней, слабаго тѣлосложенія, жены портнаго въ Ростокѣ, страдавшей лихорадкою, отъ которой она чрезъ нѣсколько дней, повидимому, умерла. Ее тотчасъ сняли съ постели, обмыли и положили на столъ, а для удержанія рта въ закрытомъ положеніи подложили книгу подъ подбородокъ. Это было лѣтомъ, рано утромъ; въ тотъ же день семейство и родные были извѣщены о ея кончинѣ. На другое утро, вошла въ комнату служанка, чтобъ отодвинуть задвижки для открытія ставней; сдѣлавъ это, она вышла на улицу и открывъ ставни, опять возвратилась въ комнату, чтобы растворить окна. Въ это самое время, мнимо-умершая поднялась, позвала слабымъ голосомъ служанку и подала ей книгу, съ удивленіемъ спрашивая, какимъ образомъ находится она въ этомъ положеніи и что хотятъ съ нею

дѣлать? Испуганная служанка убѣжала, громкимъ крикомъ прося о помощи. На крикъ этотъ пришелъ въ комнату мужъ мнимо-умершей, и помогъ ей сойти со стола, на которомъ она въ продолженіи сутокъ лежала какъ мертвая. Возставшая жаловалась на холодъ; ее уложили въ нагрѣтую постель и вслѣдствіе употребленныхъ подкрѣпляющихъ средствъ она совершенно выздоровѣла. О происшедшемъ съ нею она ничего не знала, а приписывала возстаніе свое холодному воздуху, проникшему сквозь открытое окно. Послѣ сего она жила еще десять лѣтъ; испуганная же служанка заболѣла отъ страху и умерла. (Observationes Anatom. chirurg. pag. 172).

Въ Кистринѣ, аптекарскій провизоръ, по фамиліи Шпальдингъ, страдавшій продолжительною грудною болѣзнью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1735 года, по общему мнѣнію медиковъ, скончался. Обмывъ тѣло, положили его на солому. Въ такомъ положеніи, онъ находился до обѣда слѣдующаго дня. Въ теченіи этого времени, бывшая при трупѣ женщина вдругъ замѣтила въ немъ нѣкоторыя судорожныя движенія. Она тотчасъ призвала врача, который приказалъ уложить мнимо-умершаго въ постель. Послѣ сего онъ скоро оправился, не помня однако ничего о прошедшемъ, и жилъ послѣ мнимой своей кончины еще 16 лѣтъ. (Тамъ же, стр. 174).

Нѣкто Гертнеръ, 30 лѣтъ отъ роду, находившись въ 1795 году при Саксонскомъ лазаретѣ служителемъ, страдалъ горячкою, вслѣдствіе которой, по общему мнѣнію, умеръ. Когда, чрезъ двѣнадцать часовъ, начавъ снимать съ него платье, подняли его головою вверхъ, онъ вдругъ очнулся и спросилъ окружающихъ, что они намѣрены съ нимъ дѣлать? Этотъ человѣкъ въ 1805 году занималъ въ Герлицѣ должность старосты для бѣдныхъ. (*Struve's* Galvanismus. 1804. s. 14).

Человѣкъ можетъ подвергаться мнимой смерти во всякомъ возрастѣ. Почти всѣ вышеприведенные примѣры относились къ людямъ среднихъ лѣтъ, но и дѣти и даже 100-лѣтніе старики впадаютъ иногда въ состояніе мнимой смерти; мы приведемъ этому слѣдующіе замѣчательные примѣры:

Младенецъ, страдавшій оспою, повидимому скончался; но отецъ его, исполнивъ, въ теченіе четырехъ часовъ, наставленія, изданныя Лондонскимъ Человѣколюбивымъ Обществомъ для спасенія мнимоумершихъ, имѣлъ радость видѣть его оживившимъ. Въ этомъ случаѣ, особенную пользу оказали теплыя ванны. Послѣ употребленія ихъ, младенецъ открылъ глаза, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратились біеніе пульса и теплота тѣла. (Reports of Royal humane society. 1803. pag. 65).

Знаменитый ученый Паскаль, бывъ годовымъ ребенкомъ, обмеръ вслѣдствіе болѣзни и болѣе 20 часовъ почитаемъ былъ умершимъ. Преждевременными похоронами свѣтъ лишился бы этого великаго мужа. (*Jules de Fontenelle*, l. c. pag 101).

Докторъ Дезессаръ разсказываетъ о ребенкѣ, повидимому умершемъ отъ сильной лихорадки: казалось въ дѣйствительности смерти его не могло быть сомнѣнія, но одна добрая женщина, оставленная у трупа ребенка, сомнѣваясь въ истинѣ смерти и желая испытать разныя оживляющія средства, начала тереть его спиртами и обертывать теплыми платками. Долго работа эта шла такъ безуспѣшно, что уставшая сидѣлка рѣшилась наконецъ отъ нея отказаться; но лишь только она заснула, какъ вдругъ была пробуждена пронзительнымъ крикомъ оживша го дитяти. (Тамъ же, стр. 104).

Гражданскій Генералъ-Штабъ-Докторъ Рихтеръ зналъ въ Москвѣ девяносто-лѣтняго старца Ситникова, который въ послѣдніе годы жизни своей нѣсколько разъ впадалъ въ летаргическій сонъ, продолжавшійся отъ однихъ до двухъ сутокъ. Въ такомъ припадкѣ старикъ наконецъ и умеръ въ 1834 году.

Столѣтній старецъ Геласъ, пасторъ въ Лапратѣ, въ Агенской Епархіи, 30 Апрѣля 1773 года по-

грузился въ сонъ, совершенно сходный со смертію. Къ счастію, онъ проснулся еще вовремя, когда все уже однакоже было приготовлено къ его похоронамъ. (*Pineau*: sur le danger des inhumations précipitées. pag. 87).

Шестидесятилѣтній дворянинъ, страдавшій горячкою, впалъ въ такой обморокъ, что признанъ былъ умершимъ. Намѣревались уже вскрыть его тѣло, какъ вдругъ одинъ изъ врачей замѣтилъ нѣкоторую перемѣну въ лицѣ покойника. Ощупавъ пульсъ, врачъ почувствовалъ легкое біеніе, почему влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель вина и имъ же натеръ виски, носъ и губы. Послѣдствіемъ этого было, что мнимо-умершій, проглотивъ вино, открылъ глаза и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. Въ продолженіе обморока, онъ слышалъ все, что вокругъ него говорили. (*Unzer*, der Arzt. Band III, s. 102).

Вниманіе наше, касательно возможности мнимой смерти, должно быть удвоено въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) У дѣтей новорожденныхъ. Всякой повивальной бабкѣ, всякой опытной женщинѣ, извѣстно, какъ часто младенцы раждаются на свѣтъ обмершими. Новорожденные, безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ возрастовъ подвержены бываютъ обмираніямъ. Утробная

жизнь безъ дыханія, съ особеннымъ, непосредственнымъ обращеніемъ крови, можетъ продолжаться у нихъ еще нѣсколько времени по рожденіи на свѣтъ; что состояніе это можетъ иногда продлиться довольно долго, мы видѣли изъ любопытнаго примѣра, помѣщеннаго выше и сообщеннаго Профессоромъ Вальтеромъ.

2) Когда умираютъ женщины, ибо мнимая смерть, по опыту, оказывается у нихъ вообще гораздо чаще, чѣмъ у мущинъ. Истерическія женщины и родильницы преимущественно подвержены обмираніямъ, иногда весьма продолжительнымъ. Многіе изъ сообщенныхъ выше и ниже примѣровъ служатъ тому доказательствомъ.

Уже Плиній упоминаетъ объ одной женщинѣ, которой въ седьмой день послѣ мнимой ея смерти возвращена была жизнь. (*Plinii* histor. natural. lib. VII. pag. 52. *Hufeland*, Scheintod. s. 198).

У Хирурга Диво, въ Парижѣ, въ улицѣ Св. Антонія, жила служанка по имени Изабо, которая трижды въ жизни своей обмирала и была относима на кладбище. Въ третій разъ она ожила въ ту самую минуту, когда ее опускали въ могилу. Слѣдствіемъ сего было то, что когда она дѣйствительно скончалась, то ее не хоронили 6 дней, опасаясь,

чтобы и въ четвертый разъ не обмануться. (*Jules de Fontenelle*, l. c. 94).

3) При большой смертности въ какомъ либо мѣстѣ, по причинѣ господствующихъ эпидемическихъ болѣзней и зарàзъ, или отъ другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Описывавшіе чумныя эпидеміи разсказываютъ много случаевъ преждевременнаго погребенія обмершихъ отъ чумы. Съ холерою нашихъ временъ было тоже, и нѣтъ сомнѣнія, что въ это время не малое число обмершихъ были зарыты заживо. Причиною тому не особенное какое либо свойство повальныхъ болѣзней, а поспѣшность и невниманіе при погребеніи накопляющихся во множествѣ мертвыхъ тѣлъ.

Цахіасъ, въ описаніи чумной эпидеміи въ Римѣ, разсказываетъ о странной участи молодаго человѣка, который повидимому умеръ отъ чумы въ больницѣ Св. Духа. Тѣло его повезли вмѣстѣ съ прочими трупами, назначенными къ погребенію, но во время переправы черезъ Тибръ, обмершій ожилъ и былъ возвращенъ въ больницу. Два дня спустя, онъ снова обмеръ и тѣло его опять уже находилось въ одной камерѣ съ прочими трупами, какъ онъ во второй разъ ожилъ и выздоровѣлъ. (Dictionnaire des sciences medicales. Paris, 1818, статья Jnhumations, pag. 184).

Въ іюлѣ 1832 года, Французскій кавалеристъ въ Провэнѣ (Provins), заболѣвъ холерою, былъ отвезенъ въ больницу, гдѣ вскорѣ скончался; при опущеніи гроба его въ могилу, услышали слабый стонъ, вслѣдствіе чего гробъ раскрыли и вынувъ изъ него покойника ожившимъ, возвратили его въ больницу. (*Jules de Fontenelle*, l. c. pag. 106).

Лекарь Поповъ, въ С.-Петербургѣ, уроженецъ Саратовской губерніи, разсказываетъ происшествіе, случившееся въ 1832 году, во время холеры въ Саратовѣ. На городскомъ кладбищѣ находилось тогда постоянно большое число непогребенныхъ мертвыхъ тѣлъ, которыя оставлялись тамъ въ гробахъ, въ ожиданіи своей очереди. Однимъ утромъ, въ 9 часовъ, поставленъ былъ, между прочими, гробъ тамошняго мѣщанина, умершаго наканунѣ вечеромъ, отъ холеры. Ночью, часу во второмъ, обмершій мѣщанинъ опамятовался, вышелъ изъ гроба и закутанный въ саванъ, самъ воротился домой. Онъ выздоровѣлъ, и Г. Поповъ, видѣвъ его въ послѣдствіи, изъ собственныхъ устъ возставшаго слышалъ это приключеніе.

Подобная сему вредная поспѣшность замѣчается и во время войны, послѣ сраженій, когда число убитыхъ и хоронимыхъ бываетъ такъ велико, что весьма трудно обратить должное вниманіе на каждаго

порознь. Многіе старые и опытные воины могутъ разсказать примѣры такого рода, коимъ они сами были свидѣтелями, или о коихъ слышали отъ товарищей.

Слѣдующій случай получилъ нѣкоторую знаменитость: Нормандскій дворянинъ, Капитанъ Франсуа де Сивиль, 26 лѣтъ отъ роду, былъ жестоко раненъ на приступѣ, во время осады города Руана Королемъ Карломъ IX; онъ упалъ съ вала въ ровъ, гдѣ піонеры его нашли, раздѣли, и бросивъ въ яму вмѣстѣ съ другими трупами, покрыли небольшимъ слоемъ земли. Это случилось въ 11 часовъ утра, а въ $6\frac{1}{2}$ часовъ вечера вѣрный слуга Сивиля, отыскавъ барина своего между трупами, отрылъ холодное тѣло его и отнесъ домой. Немедленно послѣ этого оказались у Сивиля нѣкоторые признаки жизни; однакоже безъ памяти и движенія лежалъ онъ еще 5 сутокъ въ сильномъ жару, какъ между тѣмъ городъ взяли приступомъ, и непріятели, вошедши въ комнату Сивиля, выкинули больнаго изъ окна на дворъ. Къ счастію, онъ упалъ на кучу навоза, гдѣ и оставался трое сутокъ, въ одной рубашкѣ, пока одинъ изъ его родственниковъ не нашелъ и не спасъ его. Этотъ же Сивиль родился необыкновеннымъ образомъ: мать, бывъ имъ беременною, умерла въ родахъ, и была уже предана землѣ, какъ мужъ ея, возвратившись изъ поѣздки, велѣлъ вырыть ее изъ

могилы и вынуть изъ утробы ея младенца, который оказался живымъ. По этимъ приключеніямъ, Сивиль самъ называлъ себя трижды умершимъ, трижды погребеннымъ, и трижды, Божіею милостію, возставшимъ. (Dictionn. des sc. med., статья Jnhumations, p. 184).

Ту же поспѣшность можно видѣть ежедневно въ большихъ госпиталяхъ, въ тюрмахъ и въ другихъ подобныхъ заведеніяхъ, гдѣ обыкновенно умираетъ большое число людей, и гдѣ мѣстные смотрители, привыкнувъ къ ежедневному накопленію труповъ, часто заботятся только о томъ, чтобы скорѣе похоронить ихъ. Горестно видѣть, во многихъ заведеніяхъ такого рода, какъ мало мѣста и покои, предназначенные для сбереженія труповъ, соотвѣтствуютъ своей цѣли. Въ сараяхъ, неотапливаемыхъ зимою, конечно обмершіе никогда не возстанутъ, а только развѣ замерзнутъ; въ малыхъ комнатахъ, гдѣ трупы иногда лежатъ кучами, почти одинъ на другомъ, едвали обмершій когда либо очнется, при окружающихъ его гнилыхъ испареніяхъ.

Докторъ Даль разсказываетъ слѣдующій случай: во время Турецкой войны въ 1829 году, въ Адріанопольскихъ казармахъ лежало у насъ нѣсколько тысячь больныхъ и умирало по сотнѣ на день. Больные терпѣли, какъ это случается въ военное время, крайній недостатокъ во многомъ, не менѣе того по временамъ навѣдывались нарочно присылаемые для

сего чиновники, чтобы осмотрѣть, все ли въ своемъ порядкѣ и въ особенности чтобы опросить больныхъ, получаютъ ли они лекарство. Одинъ изъ такихъ ревизоровъ, зашедшій нечаянно вечеромъ въ госпиталь нашъ, попалъ въ сумерки въ палату, въ коей повидимому лежало много больныхъ на голомъ полу, какъ и въ прочихъ палатахъ; но долго ни одинъ изъ нихъ не отзывался на вопросы чиновника: получаютъ ли они лекарство? Наконецъ одинъ голосъ глухо отозвался, чиновникъ поглядѣлъ, ощупалъ перваго, втораго, третьяго—все покойники! Тогда поднялась суматоха; строгій Инспекторъ обвинилъ насъ въ страшныхъ безпорядкахъ, увѣряя, что покойниковъ не выносятъ изъ палатъ, и что они лежатъ по цѣлымъ десяткамъ вмѣстѣ съ живыми. Но дѣло вышло на оборотъ: живой или ожившій замѣшался между покойниками! Комната, въ которую вошелъ ревизоръ, служила камерою для мертвыхъ и ни чѣмъ не отличалась по наружности отъ прочихъ палатъ; сюда укладывали покойниковъ; одинъ изъ нихъ ожилъ и вышелъ на своихъ ногахъ. Онъ не помнилъ ничего болѣе, кромѣ того, что лежалъ въ одной изъ палатъ недѣли двѣ, заснулъ, какъ ему казалось, и проснулся не на своемъ мѣстѣ, а между сотнею мертвыхъ.

4) Когда смерть послѣдовала послѣ такъ-называемыхъ нервическихъ болѣзней и въ припадкахъ

опыхъ. Загадочныя и обманчивыя болѣзни сіи, коимъ наиболѣе подвержены женщины, въ особенности располагаютъ къ мнимой смерти, и нерѣдко подаютъ поводъ къ ошибкамъ. Примѣры самаго продолжительнаго обмиранія, а именно отъ 7 до 9 дней, относятся именно къ женщинамъ, которыя одержимы были нервными болѣзнями, и потому, въ подобныхъ случаяхъ никакая осмотрительность не можетъ быть излишнею.

Сюда относятся всѣ роды судорогъ, отъ истерики до падучей болѣзни и до столбняка; потомъ припадки такъ-называемаго изступленія, сомнамбулизма и каталепсіи. Послѣдняя, весьма рѣдкая, болѣзнь имѣетъ тотъ особенный признакъ, что члены и даже все туловище сохраняютъ способность оставаться въ томъ положеніи, какое имъ будетъ дано, разумѣется не выходя изъ общихъ законовъ тяготѣнія.

Лицетъ разсказываетъ объ одной монахинѣ въ Брешіи, которая подвержена была истерическимъ припадкамъ, что она находилась въ состояніи мнимой смерти, безъ движенія и чувствъ, цѣлые 10 дней сряду. (Dictionn. des sc. med. l. c. pag. 182).

Дѣвица, по фамиліи Шорнинь, 25 лѣтъ, подвержена была истерическому припадку. Врачъ, пользовавшій ее въ теченіе двадцати восьми дней, получилъ вис-

запно извѣстіе о ея смерти, тогда какъ онъ, наканунѣ, оставилъ ее въ состояніи лучшемъ противъ прежняго. Прибывъ къ покойницѣ, онъ нашелъ лице ея чрезвычайно блѣднымъ и губы совершенно безцвѣтными, но черты лица ея нисколько не измѣнившимися. Ротъ у ней былъ открытъ, зрачекъ очень разширенъ, глаза мутны. Пламя свѣчи не производило на нее никакого вліянія. Ощутительной теплоты въ тѣлѣ хотя и не оказывалось, однакоже оно не было совсѣмъ остывшимъ и не потеряло еще упругости. На слѣдующій день, врачъ возобновивъ посѣщеніе, съ намѣреніемъ осмотрѣть трупъ еще разъ передъ погребеніемъ, замѣтилъ, что тѣло не остыло болѣе прежняго, и потому не дозволилъ хоронить. Продолжая наблюденія свои пять сутокъ сряду, врачъ замѣтилъ наконецъ легкое потрясеніе простыни, которою мнимая покойница была покрыта. По прошествіи еще двухъ часовъ, рука ея, сама собою, перемѣнила свое положеніе, и мало по малу мнимо-умершая начала шевелиться. Въ скоромъ времени глаза ея раскрылись, чувства возвратились и дѣвица выздоровѣла. (*Robert Macnisch*: the philosophy of sleep. Deutsch von Dr. *Becker*. 1835).

Супруга Профессора Гиллера, въ Тибингенѣ, на шестомъ мѣсяцѣ своей беременности, до такой степени испугалась, что впала въ сильнѣйшія судороги и наконецъ повидимому скончалась. Бывшіе при

этомъ врачи: Каменарій, Маугардъ и другіе, употребили, въ теченіе 6 часовъ, всѣ возможныя средства для возвращенія ей жизни, но онѣ остались тщетными. Начали готовиться къ погребенію. Каменарій одинъ не терялъ надежды и предложилъ сорвать пластыри, приложенныя къ ея подошвамъ, наблюдая притомъ за малѣйшею перемѣною въ чертахъ лица. Послѣдствіемъ сего было едва замѣтное движеніе губъ. За симъ возобновлены были всѣ средства для возбужденія жизни. Въ продолженіе шести дней, обмершая имѣла всѣ признаки смерти; одно лишь обстоятельство оставалось сомнительнымъ: около сердца оказывалась незначительная теплота. Надежда врача, что жизненная сила могла еще крыться въ тѣлѣ, оправдалась. У мнимо-умершей вдругъ открылись глаза и дыханіе возстановилось. Подкрѣпившись пищею, она родила мертваго младенца и въ скоромъ времени выздоровѣла, не помня впрочемъ ничего, что съ нею случилось. (*Hufeland*: über die Ungewissheit des Todes).

Леди Руссель, супруга Полковника Англійской службы, находилась въ такомъ состояніи, что всѣ считали ее умершею. Одинъ только мужъ ея не хотѣлъ этому вѣрить. Въ продолженіе двухъ дней, не позволялъ онъ снять ее съ постели. На представленіе нѣкоторыхъ особъ, что настало время для погребенія, Полковникъ рѣшительно объ-

явилъ, что застрѣлитъ того, кто осмѣлится прикоснуться къ его женѣ. Сама Королева приказала изъявить ему свое прискорбіе о случившемся съ нимъ несчастіи, присовокупивъ, что благоразумному человеку и вмѣстѣ съ тѣмъ доброму христіанину и храброму воину, неприлично предаваться горести съ такимъ упорствомъ и тѣмъ лишать покойную послѣдней почести, — но и Королевѣ неутѣшный супругъ отвѣчалъ, что доколѣ не обнаружатся вѣрные признаки гніенія, онъ не можетъ допустить погребенія. Въ такомъ положеніи прошло восемь дней, какъ вдругъ, при колокольномъ звонѣ сосѣдней церкви, мнимоумершая, какъ бы съ испуга, проснулась, воскликнувъ: «уже въ послѣдній разъ звонятъ, пора къ обѣдни.» Скоро она совершенно оправилась и доставила тѣмъ нѣжному и преданному ей супругу торжество, достойное его супружеской привязанности. (Journal des Savants. 1746; *Jules de Fontenelle*, pag. 186).

5) Чаще всего должно подозрѣвать мнимую смерть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ, что смерть послѣдовала скоропостижно. Случаи сіи, какъ обыкновеннѣйшія причины обмиранія, достойны полнаго нашего вниманія. Сюда относятся:

а) Ударъ апоплексическій, состоящій во мгновенномъ пораженіи мозга, такъ, что человѣкъ падаетъ внезапно безъ памяти, будто отъ сильнаго

удара въ голову. Припадокъ этотъ можетъ случиться отъ разныхъ причинъ: при такъ-называемомъ апоплексическомъ тѣлосложеніи, особенно же въ старости; отъ пьянства; отъ отравленія наркотическими ядами; въ припадкѣ падучей болѣзни; въ такъ-называемой летаргіи или спячкѣ, и т. д. Въ послѣднемъ случаѣ, человѣкъ бываетъ погруженъ въ глубокій сонъ, изъ котораго нѣтъ средства его разбудить. Высшая степень этого состоянія переходитъ въ мнимую, иногда и въ дѣйствительную смерть. Замерзшіе, угорѣвшіе, находятся въ подобномъ же состояніи, которое у нихъ можетъ продлиться иногда очень долго.

Аматъ Лузитанъ разсказываетъ о молодой дѣвушкѣ въ Феррарѣ, что всѣ считали ее умершею отъ удара, но по просьбѣ матери, похороны были отложены, и на третій день обмершая ожила. (*Devergie*: medecine légale. Paris, 1840, Tom. I, pag. 137).

Нѣкто пораженный апоплексическимъ ударомъ, по свидѣтельству Цуката Лузитана, уже весь остылъ, и по истеченіи 24 часовъ былъ зашитъ въ саванъ и положенъ въ гробъ; когда понесли его на кладбище, изъ гроба послышался вдругъ глухой стонъ; шествіе остановилось и обмершаго возвратили къ жизни. (Тамъ же, стр. 137).

23 Ноября 1763 года, Аббатъ Прево, извѣстный литераторъ Французскій, былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ, во время прогулки по Шантильскому лѣсу. Тѣло его, найденное здѣсь, было отвезено въ деревню, гдѣ тотчасъ и приступили къ судебному вскрытію. При первомъ разрѣзѣ, несчастный закричалъ, но вскорѣ затѣмъ закрылъ глаза уже навѣки. (*Jules de Fontenelle*, l. c. pag. 93).

Одинъ Ведульскій Юрисконсультъ тщательно скрывалъ отъ родственниковъ своей невѣсты, что онъ подверженъ припадкамъ летаргіи. Боясь однакоже быть погребеннымъ заживо, онъ увѣдомилъ о томъ городское начальство. Женившись, онъ довольно долго былъ совершенно здоровъ, что̀ побудило его скрыть болѣзнь свою и отъ жены. При первомъ приступѣ болѣзни, жена сочла его умершимъ и велѣла положить въ гробъ. Къ счастію, полиція узнала объ этомъ вовремя и воспрепятствовала погребенію. Обмершій пришелъ въ себя и прожилъ еще 16 лѣтъ. (Тамъ же, стр. 193).

Въ 1764 году стоялъ въ Кенигсбергѣ Маіоръ Драгунскаго Мейерова полка, извѣстный въ послѣдствіи Маршалъ Биберштейнъ. Старый слуга его, Вильгельмъ, внезапно умеръ, и тѣло покойника вынесли въ дровяной сарай. На третій день, Маіоръ, имѣя у

себя гостей, вышелъ для распоряженій на кухню. Въ сѣняхъ онъ встрѣтилъ слугу-мертвеца, шедшаго тихими шагами. Маіоръ, считая явленіе это привидѣніемъ, остановился и воротился къ гостямъ, поблѣднѣвъ отъ испуга. Гости всѣ поднялись, вышли и увидѣли въ самомъ дѣлѣ Вильгельма, который сидѣлъ на кухнѣ, въ саванѣ своемъ, на кровати. При видѣ людей, ожившій мертвецъ заговорилъ: «Боже мой, что вы со мною сдѣлали? пьянаго вынесли въ одной рубашкѣ въ сарай; это слишкомъ немилосердно; насилу добрался я до этого мѣста, чтобы отогрѣться». Несчастный старикъ не могъ оправиться отъ полученной имъ, въ холодномъ сараѣ, простуды и дѣйствительно скончался нѣсколько дней послѣ этого приключенія, не смотря на тщательное пользованіе медика. (*Hufeland*, Scheintod. s. 18).

б) Обморокъ, или остановленное на время біеніе сердца, за которымъ вскорѣ слѣдуетъ остановка въ дыханіи, во внѣшнемъ чувствѣ и въ произвольныхъ движеніяхъ. Высшая степень этого состоянія походитъ на настоящую смерть самымъ обманчивымъ образомъ, и преждевременные похороны чаще всего случались во время этой болѣзни. Великое сходство этого состоянія съ дѣйствительною смертію выражено, въ нашемъ языкѣ, весьма разительно словами: «обмереть» и «обморокъ». Обмороки случаются чаще

всего у женщинъ, отъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, отъ сильныхъ тѣлесныхъ болей и другихъ страданій, отъ внезапнаго истощенія тѣла разными причинами, напримѣръ поносомъ, большою потерею крови, мгновеннымъ испражненіемъ большихъ полостей. Послѣднія два обстоятельства бываютъ причиною частыхъ обмороковъ послѣ родовъ. Другія причины обмороковъ суть: болѣзни сердца и припадки нервическихъ недуговъ, истерики, столбняка, каталепсіи и пр. Въ обморокѣ отъ различныхъ нервическихъ припадковъ иногда случается, что обмершіе сохраняютъ нѣкоторыя чувства, въ особенности же слухъ, такъ, что слышатъ и чувствуютъ все около нихъ происходящее. Какое ужасное положеніе: слышать свершеніе надъ собою похоронныхъ обрядовъ, заколачиваніе крыши гроба и наконецъ опущеніе тѣла своего въ могилу, и не быть въ состояніи ни слова произнесть, ни сдѣлать какое либо движеніе, чтобы дать знать о скрывающейся еще искрѣ жизни!

Г. Ригодо, помощникъ при военномъ госпиталѣ и акушеръ въ Дуэ, 1745 года 8 сентября, былъ призванъ въ деревню Ловардс, въ одной милѣ отъ Дуэ, для поданія помощи въ родахъ женѣ Франсуа Дюмона. За нимъ послали въ пять часовъ утра; прибывъ не ранѣе половины десятаго, онъ былъ увѣдомленъ, что родильница уже за два часа до него

скончалась. Ригодо освѣдомился о причинахъ столь внезапной смерти. Ему отвѣчали, что умершая, наканунѣ, послѣ обѣда, начала чувствовать боли передъ родами, усилившіяся до такой степени, что она до десяти разъ попеременно впадала въ судороги и въ обморокъ, и наконецъ утромъ, въ шесть часовъ, не имѣя другой помощи, кромѣ повивальной бабки, при возобновившихся судорогахъ и съ пѣною на губахъ, скончалась. Ригодо изъявилъ желаніе видѣть умершую. Изслѣдовавъ у нея лицо и животъ и ощупавъ пульсъ на рукѣ, подъ сердцемъ и подъ плечами, онъ не нашелъ никакихъ признаковъ жизни. Положенное на ротъ зеркало не тускло. Ротъ былъ наполненъ пѣною, животъ чрезвычайно тугъ и разширенъ. Найдя при тщательномъ изслѣдованіи, что къ извлеченію младенца изъ чрева матери, обыкновеннымъ путемъ, не представляется никакихъ препятствій, Ригодо произвелъ разрѣшеніе посредствомъ поворота и передалъ ребенка присутствующимъ женщинамъ, для приведенія его къ жизни. Онѣ исполнили всѣ данныя имъ по сему предмету предписанія врача, но не видя въ теченіи трехъ часовъ ни малѣйшихъ перемѣнъ въ ребенкѣ, намѣревались уже уложить его въ гробъ, какъ вдругъ одна изъ женщинъ замѣтила, что ребенокъ открылъ ротъ; въ-слѣдствіе этого, онѣ возобновили свои усилія, употребивъ различныя средства, вино, уксусъ, ароматическіе спирты и т. п. По прошествіи четверти

часа, ребенокъ кричалъ, какъ здоровый. Послѣ сего, Ригодо пожелалъ еще видѣть мать, которая уже лежала въ заколоченномъ гробу. Приказавъ раздѣть умершую, онъ, какъ и въ первый разъ, съ величайшимъ вниманіемъ осмотрѣлъ ее, но опять призналъ мертвою. Одно только обстоятельство казалось ему сомнительнымъ, именно, что руки и ноги не потеряли своей гибкости, хотя послѣ смерти ея прошло уже семь часовъ. Испытавъ еще дѣйствіе аммоніака, но также тщетно, онъ уѣхалъ въ Дуэ, приказавъ однакоже похоронить покойницу не ранѣе, какъ по совершеномъ прекращеніи гибкости въ рукахъ и ногахъ. Кромѣ сего, онъ совѣтовалъ хлопать покойницу по ладонямъ, а глаза, носъ и лице натирать ароматическимъ спиртомъ и оставить ее въ постели. Въ часъ по полудни онъ уѣхалъ домой, а въ пять часовъ пріѣхалъ къ нему зять умершей, съ извѣстіемъ, что въ половинѣ четвертаго часа она ожила. Мать и ребенокъ были совершенно здоровы, и спустя три года послѣ этого происшествія находились еще въ живыхъ. (Diction. des sciences med. l. c., pag. 182).

Молодая дама, лѣтъ двадцати, впала, при первыхъ родахъ, въ такое сильное изнеможеніе, что всѣми окружавшими ее признана была умершею, и безъ сомнѣнія сдѣлалась бы жертвою невѣдѣнія, если бы не присутствовали при этомъ опытные

врачи: Докторъ Баумъ и Гейнъ, изъ Данцига: имъ, по истеченіи пяти дней, удалось, различными средствами, привести мнимо-умершую къ жизни. (*Lessing*: über die Unsicherheit der Erkenntnifs des erloschenen Lebens. s. 54).

Въ Journal du Pas-de Calais (іюнь 1829) напечатано, что женщина, впавшая послѣ трудныхъ родовъ въ сильный обморокъ и признанная врачами умершею, на третій день, когда уже собирались къ похоронамъ, обнаружила нѣкоторое движеніе, а потомъ, при приличной помощи, совершенно ожила и выздоровѣла. (*Jules de Fontenelle*, l. c. pag. 102).

Бартс сообщилъ слѣдующій замѣчательный случай о женщинѣ, обмершей въ припадкѣ каталепсіи: кровь изъ вскрытой вены не текла, почему и сочли ее умершею. Къ счастію, она ожила до похоронъ. Во время обморока она чувствовала все, что происходило около нея, но ни чѣмъ немогла дать этого замѣтить. Она сравнивала свое состояніе съ тѣмъ родомъ сновидѣній, въ которомъ нельзя ни пошевелиться, ни говорить. (*Jules de Fontenelle*, l. c. pag. 172).

Докторъ Можанъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго происшествія, въ Монпельє: женщина, обмершая въ припадкѣ истерики, положена была въ гробъ со сложенными на груди руками и съ открытымъ

лицомъ, въ какомъ видѣ, по истеченіи 24 часовъ, вынесли тѣло ея въ открытомъ гробѣ на кладбище. Въ ту самую минуту, когда хотѣли забить крышу гроба, замѣтили на лицѣ покойницы потъ, который постепенно усиливался: обмершую отнесли домой, и по прошествіи нѣсколькихъ часовъ она совершенно оправилась. По выздоровленіи, она разсказывала, что видѣла и слышала всѣ приготовленія къ похоронамъ, назвала имена лицъ, находившихся въ комнатѣ и выносившихъ ее на кладбище и помнила все, что они говорили. Сохранивъ почти всѣ чувства, она находилась въ состояніи совершенной недвижимости и въ ужаснѣйшемъ страхѣ быть заживо погребенною. Когда на гробъ стали накладывать крышу, она до того испугалась, что у нея выступилъ потъ, которому она и обязана была своимъ спасеніемъ. (Тамъ же, стр. 189).

Студентъ медицины П . . ., въ Ингольштатѣ, опасно заболѣлъ и наконецъ обмеръ. Его сочли умершимъ, хотя духъ его совершенно бодрствовалъ въ недвижимомъ тѣлѣ, и онъ видѣлъ, слышалъ и чувствовалъ все, что вокругъ него происходило, только не могъ пошевелиться. Ночью, передъ погребеніемъ, способность движенія у него возвратилась; онъ столкнулъ поставленную возлѣ него, на столѣ, лампу и возбудилъ этимъ къ себѣ вниманіе присутствовавшихъ. Въ-послѣдствіи, онъ описывалъ съ

особенною отчетливостію состояніе свое во время обморока: кромѣ страха быть заживо погребеннымъ, три обстоятельства были для него въ особенности мучительны, первое: увѣщанія священника передъ предполагаемою кончиною; второе: стараніе друзей насильно закрыть у него ротъ, судорожно раскрытый; третье и самое непріятное для него чувство было частое опрыскиваніе лица и тѣла холодною водою; послѣднему обстоятельству однакоже, и сильному раздраженію, происшедшему отъ холода, онъ самъ приписывалъ свое спасеніе. (*Hufeland*, Scheintod. s. 182).

в) Скоропостижная мнимая смерть отъ задушенія, т. е. отъ остановленнаго процесса дыханія. Это случается, или отъ недостатка воздуха, потребнаго для дыханія, какъ напримѣръ у утопленниковъ, удавленниковъ и висѣльниковъ, или же отъ того, что вдыхаемый воздухъ испорченъ примѣсью вредныхъ газовъ, какъ напримѣръ при угарѣ. Почти во всѣхъ этихъ случаяхъ задушеніе сопровождается болѣе или менѣе явными признаками апоплексическаго удара, такъ, что по настоящему не должно бы было раздѣлять этихъ двухъ состояній; но мы придержались стараго, общепринятаго раздѣленія, какъ для удобнѣйшаго порядка, такъ и потому, что раздѣленіе это по крайней мѣрѣ не хуже другихъ, также не болѣе систематическихъ.

Нѣкто, задохшійся отъ угара, почитаемъ былъ мертвымъ, въ теченіе двѣнадцати часовъ; но потомъ возвращенъ былъ къ жизни Докторомъ Гармантомъ. (*Struve*, das grosse Unglück einer frühzeitigen Beerdigung. s. 12).

Въ отчетахъ Лондонскаго Человѣколюбиваго Общества находятся, между прочими, слѣдующіе случаи.

Человѣка, задохшагося отъ угара, считали умершимъ, и намѣревались похоронить. Лице его было синее и нѣсколько пухлое, глаза, на половину открытые, съ блескомъ и притомъ выступившіе изъ впадинъ своихъ; ротъ былъ закрытъ; зубы сжаты, шея и животъ опухли, біеніе пульса и дыханіе прекратились. Человѣку сему возвращена была жизнь однимъ только обливаніемъ холодною водою. (Abhandlungen der Londoner König. Gesellschaft zur Rettung Verunglückter u. Scheintodter. a. d. Engl. Bd. I, pag. 96).

У мнимо-замерзшаго обнаружились всѣ признаки настоящей смерти: мускулы лица были стянуты, все лице сморщено, кожа повсемѣстно холодна; блѣдна, совершенно жестка и вообще болѣе походила на мраморъ, нежели на человѣческое тѣло; впалые глаза были открыты и неподвижны;

роговая оболочка потеряла свой блескъ, біеніе сердца вовсе не обнаруживалось и на нижней губѣ было много пѣны; несмотря однакоже на всѣ сіи признаки, человѣку этому была возвращена жизнь. (Тамъ же, стр. 209).

Тоже самое случилось съ осьмилѣтнимъ ребенкомъ, который былъ задушенъ подушками. Повидимому въ немъ не было жизни: лице имѣло синій цвѣтъ и опухло, глаза были закрыты, ротъ не много открытъ; всѣ признаки дыханія исчезли, біеніе пульса прекратилось; но благоразумными мѣрами врача ребенокъ былъ спасенъ. (Тамъ же, стр. 106).

Юлій Фонтенель, находясь въ Испаніи, въ 1822 году, когда тамъ наѣздничалъ Генералъ Мина съ своими партизанами, нашелъ въ одно утро, около мѣстечка Лаз-калдасъ, повѣшеннаго на деревѣ крестьянина конституціонной партіи, котораго немедленно велѣлъ снять; ротъ повѣшеннаго былъ наполненъ кровянистою пѣною; но въ тѣлѣ замѣтно было еще нѣсколько теплоты. Обмершему пустили кровь,— онъ вздохнулъ и ожилъ. Въ-послѣдствіи, этотъ человѣкъ получилъ падучую болѣзнь и умеръ 5 лѣтъ спустя въ апоплексическомъ припадкѣ. (*Jules de Fontenelle*, l. c. pag. 89.)

Во всѣхъ скоропостижныхъ случаяхъ, мнимая смерть можетъ продолжаться очень долго, въ обморокахъ даже до нѣсколька сутокъ; утопшіе, угорѣвшіе и замерзшіе также могутъ быть спасены по истеченіи долгаго времени. Поэтому, никогда не должно терять надежды, но неусыпно продолжать опыты къ спасенію сихъ несчастныхъ, пока у нихъ не замѣтно будетъ гнилости, если, разумѣется, не окажутся на нихъ передъ тѣмъ такія поврежденія, по коимъ дѣйствительность смерти не подлежитъ сомнѣнію.

Разсмотрѣніе средствъ для спасенія мнимо-умершихъ не входитъ въ предметъ сего сочиненія. Не говоря поэтому о тѣхъ, нерѣдко превратныхъ, способахъ, коп у насъ употребляются для оживленія сихъ несчастныхъ, нельзя однакоже не указать на двѣ важныя погрѣшности, встрѣчаемыя въ отечествѣ нашемъ, при обращеніи со скоропостижно пораженными. Мы грѣшимъ часто, или тѣмъ, что прекращаемъ опыты къ спасенію слишкомъ рано и скоро, или тѣмъ, что даже вовсе не испытываемъ никакихъ средствъ, когда спасеніе намъ кажется невѣроятнымъ, напримѣръ когда утопленникъ слишкомъ долго, по мнѣнію нашему, пробылъ въ водѣ. Кто перебывалъ въ разныхъ краяхъ Россіи, тотъ конечно былъ свидѣтелемъ подобныхъ ошибокъ и превратныхъ толкованій. Иные увѣряютъ, что уто-

пленникъ никогда не можетъ быть спасенъ, если онъ пробылъ въ водѣ болѣе часа, или если у него показывается пѣна на губахъ и у носа; другіе сокращаютъ этотъ срокъ даже до получаса, потому, что имъ никогда не случалось видѣть, чтобы утопленникъ былъ приведенъ въ чувство, по истеченіи этого времени. Сколько бывало въ мірѣ и сколько еще будетъ такого, чего мы не видѣли, а можетъ быть и не увидимъ: неужели же, единственно поэтому, не станемъ мы вѣрить опытамъ, доказавшимъ противное нашему мнѣнію? Это было бы вѣрхомъ безумнаго упрямства. Но всего грустнѣе, что встрѣчаешь даже врачей съ такими превратными понятіями, не говоря уже о тѣхъ, коимъ мнѣнія эти служатъ лишь предлогомъ или щитомъ, покрывающимъ ихъ лѣность и жалкое равнодушіе, въ дѣлѣ, гдѣ рѣчь идетъ о жизни человѣка.

Французскій писатель Юлій Фонтенель (l. c. p. 143) приводитъ слѣдующіе, весьма замѣчательные примѣры спасенія утопленниковъ:

Г. д'Эгли, членъ Французской Академіи Наукъ, спасъ жизнь утопшему Швейцарцу, который 9 часовъ находился подъ водой, и котораго деревенскій священникъ собирался уже похоронить.— Соважъ, Профессоръ Монпельескаго Университета, видѣлъ женщину, спасенную послѣ десятичасоваго пребы-

ванія подъ водою.—Кормань разсказываетъ о плсмянникѣ Кельнскаго Архіепископа, вынутомъ изъ воды по прошествіи 15 часовъ, и возвращенномъ къ жизни.—Наконецъ, Дергамъ видѣлъ садовника, который, проломившись сквозь ледъ, утонулъ и будучи отысканъ и вынутъ 16 часовъ спустя, не менѣе того ожилъ. Хотя такіе случаи чрезвычайно рѣдки, но довольно того, что они возможны, что они доказаны самими событіями, и что послѣ этого никакъ нельзя оспаривать сбыточность спасенія утопленника, находившагося еще болѣе продолжительное время подъ водою. Если изъ сотни такихъ случаевъ хотя однажды удастся спасеніе, то эта одна удача конечно вознаградитъ истиннаго друга человѣчества за множество тщетныхъ трудовъ и усилій.

Чтобы доказать, какъ важны въ подобныхъ случаяхъ терпѣніе и настойчивость человѣколюбиваго врача, мы приведемъ слѣдующій, достовѣрный и на этотъ разъ отечественный примѣръ, разсказанный Штабъ-Лекаремъ Костровымъ.

Въ 1833 году, во время службы Г. Кострова при Ярославскомъ Батальонѣ Военныхъ Кантонистовъ, 5 января, въ 10 часу утра, привезенъ былъ въ лазаретъ, для поданія помощи, служитель Батальона, рядовой Никита Потѣхинъ, найденный

въ глухомъ переулкѣ замерзшимъ, при 25° Р. мороза. Рядовой этотъ былъ сложенія крѣпкаго, около 40 лѣтъ отъ роду, и находясь наканунѣ въ гостяхъ у товарища, пошелъ оттуда домой, въ 10 часу вечера, въ довольно пьяномъ видѣ, и болѣе не возвращался. Замерзшаго внесли въ комнату, гдѣ не было излишней теплоты; по снятіи съ него одежды, тѣло оказалось совершенно охладѣвшимъ и даже оледенѣлымъ, но не вездѣ замершимъ, ибо мягкія части живота уступали еще давленію руки. Руки и ноги замерзли до того, что при постукиваніи по нимъ происходилъ звукъ, свойственный замерзшимъ тѣламъ; крѣпко смерзшіяся губы и челюсти не могли быть раскрыты; дыханіе, біеніе жилъ и сердца вовсе были прекращены, и все тѣло имѣло очевидные знаки смерти отъ замерзанія. Обложивъ его, кромѣ лица, толстымъ слоемъ снѣга, Г. Костровъ приказалъ потирать имъ слегка, со всею осторожностію, руки и ноги, а самъ между тѣмъ старался растирать грудь и животъ, сверху внизъ, при чемъ и лицо было постоянно обтираемо намоченною въ холодной водѣ со снѣгомъ губкою. Когда тѣло отъ сего получило мягкость и нѣкоторую гибкость, то стали обтирать его намоченными въ холодной водѣ вѣтошками, потомъ сухими суконными одѣялами, а конечности щетками. Въ продолженіе этой операціи, около трехъ часовъ сряду, тщетно старались возбудить въ замерзшемъ чувстви-

тельность, поднося къ носу нашатырный спиртъ и зажженныя сѣрныя спички, щекоча въ поздряхъ и по губамъ гусинымъ перомъ, опрыскивая лице водою съ уксусомъ и втирая въ виски, лобъ и за уши нашатырный спиртъ. При этомъ вдували также слегка, мѣхомъ, чрезъ носъ, воздухъ, и поставили два промывательныхъ изъ теплаго крѣпкаго отвара табаку; сверхъ того, неоднократно дѣланы были попытки, разными способами, открыть ротъ, но каждый разъ тщетно. Это обстоятельство побудило Г. Кострова попробовать надъ замерзшимъ дѣйствіе дегтя, испытаннаго имъ неоднократно при возвращеніи къ жизни людей мнимо-умершихъ отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ. Онъ приказалъ постепенно и безъ поспѣшности вымазать этимъ средствомъ половыя части и промежекъ у замерзшаго, и лишь только эта операція кончилась, какъ замерзшій издалъ весьма странный, протяжный, похожій на мычаніе, голосъ, приведшій всѣхъ присутствовавшихъ въ изумленіе. Потомъ терли дегтемъ животъ и спину, и послѣ каждаго тренія, больной издавалъ, подобный прежнему голосъ, но другихъ произвольныхъ движеній не обнаруживалъ. Въ такомъ состояніи онъ перенесенъ былъ въ другую, болѣе теплую компату, положенъ на кровать, покрытъ шубами и оставленъ въ совершенномъ покоѣ, подъ надзоромъ фельдшера. Около 5 часовъ по полудни мнимо-умершій имѣлъ уже сво-

бодное движеніе во всѣхъ членахъ и пришедъ совершенно въ чувство, безъ затрудненія могъ разговаривать. По просьбѣ его, ему позволили выпить рюмку вина, послѣ чего онъ вскорѣ заснулъ довольно крѣпко и спокойно. На другой день рядовый Потѣхинъ былъ совершенно здоровъ и живетъ по нынѣ въ Суздальскомъ уѣздѣ. (Другъ Здравія. 1844. №. 25.)

О количествѣ мнимо-умершихъ.

Относительное число случаевъ мнимой смерти лучше всего узнается изъ статистическихъ свѣдѣній, которыя вообще доставляютъ ту великую пользу, что даютъ болѣе общій взглядъ на предметъ и разительнѣе выказываютъ его важность. Съ этою цѣлью, не будетъ излишнимъ привести, по неимѣнію отечественныхъ свѣдѣній, слѣдующія вычисленія иностранныхъ писателей.

Брюе, (Bruhier), въ извѣстномъ своемъ сочиненіи «о невѣрности признаковъ смерти», вышедшемъ въ 1740 году, собралъ 181 случай мнимой смерти; въ томъ числѣ упоминаетъ онъ о 52 человѣкахъ, погребенныхъ заживо, о 4 заживо вскрытыхъ, о 53, которые ожили въ гробахъ, и наконецъ о 72, которые ожили прежде чѣмъ были уложены въ гробъ. Цифры сіи конечно относятся ко времени, отъ насъ

довольно отдаленному, и потому нѣтъ никакой возможности сдѣлать имъ повѣрку; но за то слѣдующія чи́сла, принадлежащія нашему вѣку, не подлежатъ уже никакому сомнѣнію. Въ Ньюіоркѣ постановлено закономъ, чтобы гробы съ мертвыми тѣлами оставались на поверхности земли восемь дней до погребенія; гробы сіи имѣютъ отверстіе близъ головы умершаго, отъ рукъ и ногъ косго проведены снурки къ будильнику. Изъ числа 1,200 покойниковъ такимъ образомъ поставленныхъ, *шестеро* оказались мнимо-умершими, и конечно были бы похоронены заживо, безъ помянутой благодѣтельной мѣры. На 200 умершихъ поэтому приходится по одному обмершему, или по полупроценту. Число это въ самомъ дѣлѣ превышаетъ всякое ожиданіе и вполнѣ подтверждаетъ важность разсматриваемаго нами предмета. (*Froriep*'s Notizen. 1829. N° 522; *Schneider*: Leichenhallen. pag. 45).

Изъ просьбы о предупрежденіи преждевременнаго погребенія, поднесенной въ 1845 году Королю Французовъ, видно, что въ 1844 году, въ продолженіе неполныхъ 7 мѣсяцовъ, четы́ре человѣка, почитаемые умершими, ожили почти въ самую минуту погребенія, и что шесть подобныхъ примѣровъ случилось въ продолженіе первыхъ 7 мѣсяцовъ 1845 года. Сочинитель этой просьбы, Г. Leguirn, приводитъ 46 извѣстныхъ ему случаевъ, послѣдовавшихъ съ 1833

года. Изъ означеннаго числа, 21 человѣкъ ожили сами собою, частію при закрытіи гроба, 9 — въ слѣдствіе особыхъ мѣръ, принятыхъ ихъ родными, 4 проснулись отъ паденія гробовъ, 3 проснулись будучи случайно уколоты, во время примѣтыванія савана; остальные обязаны спасеніемъ отсрочкѣ погребенія, по причинѣ болѣе великолѣпныхъ похоронъ.

Въ отчетахъ Королевскаго Человѣколюбиваго Общества въ Лондонѣ значится, что въ продолженіе первыхъ 22 лѣтъ его существованія, спасено было имъ отъ мнимой смерти 2,175 человѣкъ утопшихъ, угорѣвшихъ, замерзшихъ и т. п.; Амстердамское Общество спасло въ продолженіи 25 лѣтъ 990 мнимо-умершихъ; Гамбургское, въ продолженіи 5 лѣтъ, 107; наконецъ въ Парижѣ, въ 1817 году, изъ 310 утопленниковъ спасено 72; въ 1819 году изъ 281 спасено 78; а съ 1821 по 1826 годъ, изъ числа 1,835 этихъ несчастныхъ спасено 243. *

Вотъ до какихъ утѣшительныхъ послѣдствій достигаетъ благоразуміе и человѣколюбіе гражданъ, соединяющихся съ чистою и благонамѣренною цѣлію. У насъ для подобныхъ дѣйствій представляется поприще не менѣе обширное; въ 1842 году значит-

* Medicinisch-Chirurgische Zeitung von Dr. *Ehrhardt*. 1837. pag. 208. (*Schneider*, Leichenhallen. pag. 47).

ся по оффиціальнымъ извѣстіямъ, по всей Имперіи скоропостижно умершихъ 6,667; въ 1843 году—8,220; въ 1844 году—9,476; изъ этого числа многіе, безъ сомнѣнія, могли бы еще быть спасены; и если не были, то причина этому заключается не въ недостаткѣ человѣколюбія, или даже самоотверженія въ нашемъ народѣ: въ этомъ никто не упрекнетъ Русскихъ, а заключается она въ невѣдѣніи нашемъ или невѣріи въ возможность возвращать жизнь утратившимъ ее повидимому; зная едва только по наслышкѣ о томъ, будто мнимые покойники иногда оживали, мы почти не вѣримъ рѣдкимъ случаямъ этимъ и не понимаемъ важности предмета. Если такъ, то настоящее сочиненіе должно принести нѣкоторую пользу; оно написано именно съ тою цѣлію, чтобы распространить истинныя и надлежащія о семъ понятія.

Въ народѣ нашемъ много находится людей, всякую минуту готовыхъ подвергнуться опасности, для спасенія погибающаго; съ самоотверженіемъ кидаются они въ волны за утопающимъ, съ неутомимымъ усердіемъ готовы они ухаживать около всякаго тѣла, найденнаго гдѣ-либо въ обмершемъ состояніи; со всѣмъ тѣмъ простой народъ нашъ, по вкоренившемуся предубѣжденію и кривотолкамъ, иногда не приступаетъ къ человѣколюбивымъ дѣйствіямъ своимъ, опасаясь преслѣдованія, и нерѣдко покидаетъ даже начатое и разбѣгается при

первомъ приближеніи Полиціи. Этотъ родъ невѣжества дошелъ у насъ до того, что недавно еще Правительство принуждено было подтвердить особымъ Сенатскимъ Указомъ, что всякій не только имѣетъ право, но и обязанъ подать руку помощи для спасенія мнимо-умершихъ, и что нѣтъ закона, который бы въ этомъ отношеніи останавливалъ человѣколюбивыя дѣйствія присутствующихъ.

Вотъ замѣчательный, единственный въ своемъ родѣ примѣръ, который Благословенный Государь явилъ своимъ вѣрноподданнымъ: Императоръ Александръ, въ первые годы своего царствованія, принявъ лично дѣятельное участіе въ спасеніи утопшаго, на пути между Вильной и Ковно, имѣлъ утѣшеніе спасти человѣку жизнь, по поводу чего Лондонское Человѣколюбивое Общество поднесло Его Императорскому Величеству нарочно для сего вычеканенную медаль съ надписью: «я человѣкъ и ничего человѣческаго не чуждаюсь» (Homo sum, humani nihil a me alienum puto); а кругомъ: «иди, и ты твори такожде» (Ев. отъ Луки, гл. X, ст. 37). Государь заботился *болѣе трехъ часовъ* около безчувственнаго, и не смотря на то, что прибывшій наконецъ Лейбъ-Медикъ Виллié отчаявался въ спасеніи, настоятельно требовалъ продолженія опытовъ, самъ растиралъ обмершаго, разорвалъ платокъ свой для подвязки, и когда пришедшій въ себя крестьянинъ оказалъ первый

признакъ жизни, Государь воскликнулъ: «Милосердный Боже! вотъ счастливѣйшій день моей жизни!»

Мѣры для предупрежденія погребенія обмершихъ.

Во первыхъ, должно держаться закона, недозволяющаго приступать къ похоронамъ до истеченія трехъ дней. Этотъ срокъ обыкновенно достаточенъ и весьма хорошо пригаровленъ, какъ къ климату нашему, такъ и къ среднему времени продолженія мнимой смерти. Гнилость на трупѣ оказывается въ большинствѣ случаевъ, у насъ въ Россіи, на третій день; а съ другой стороны, по наблюденіямъ извѣстно, что $\frac{3}{4}$ всѣхъ обмершихъ приходили въ себя въ продолженіе первыхъ трехъ сутокъ послѣ видимой смерти.

Законъ, положивъ средній, удобнѣйшій срокъ, не запрещаетъ однакоже продлить его, въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнія, которое разрѣшается уже не срокомъ извѣстнаго числа дней, а единственнымъ вѣрнымъ признакомъ дѣйствительной смерти, *гнилостію трупа*. Поэтому, важнѣйшее правило есть то, чтобы *дождаться*, не смотря ни на какіе сроки, *времени появленія на трупѣ признаковъ гнилости*.

Затѣмъ, должно оставить всѣ тѣ нелѣпые и даже вредные обычаи при обращеніи съ покойниками, о коихъ упомянуто было въ самомъ началѣ сего сочиненія, и придерживаться лишь тѣхъ изъ нихъ, кои оказываются полезными, или по крайней мѣрѣ безвредными. Въ особенности же должно, для лучшаго удостовѣренія въ дѣйствительности смерти, во всякомъ случаѣ призывать врача опытнаго, добросовѣстнаго, и свѣдущаго по этой части, потому что ученіе о смерти есть цѣлая медицинская наука, слишкомъ трудная и обширная, чтобы быть доступною всякому, а тѣмъ паче не врачу. Свѣдущій врачъ, сообразивъ предшествовавшую болѣзнь и всѣ прочія обстоятельства смерти, и произведя, въ потребномъ случаѣ, разныя надъ тѣломъ испытанія, часто съ совершенною вѣрностію можетъ признать дѣйствительность кончины тамъ, гдѣ другіе люди, можетъ быть, еще сомнѣваются; и на оборотъ, онъ скорѣе другихъ распознаетъ случаи сомнительные, когда должно имѣть особенное наблюденіе за тѣлами, или предпринять спасительныя мѣры; онъ съумѣетъ различить самые первые признаки появляющейся гнилости, въ то время, когда глаза и прочія чувства непосвященныхъ въ таинства науки не замѣтятъ ничего положительнаго.

Брюѣ былъ призванъ однажды къ больному помѣщику въ деревню; но пріѣздѣ туда, онъ уз-

налъ, что больной умеръ за два дня и что уже готовятъ похороны. Между тѣмъ знаменитаго анатома упросили произвесть вскрытіе тѣла умершаго, чтобы узнать причину смерти. Онъ согласился и хотѣлъ уже приступить къ дѣлу, какъ при первомъ взглядѣ на покойника, остановился, сталъ внимательнѣе разсматривать его и объявилъ наконецъ, что сомнѣвается въ дѣйствительности его смерти. Окружающіе не хотѣли этому вѣрить; онъ однакоже тотчасъ велѣлъ положить тѣло въ ванну, поставилъ банки на грудь и между плечами, вытеръ все тѣло суконками, а подошвы щетками; мушки поставлены были за уши и грѣтые кирпичи къ ногамъ. Послѣ долгихъ опытовъ, обмершій наконецъ оказалъ движеніе и когда влили ему въ ротъ немного вина, онъ открылъ глаза. (*Hufeland*: Scheintod. s. 26).

Профессоръ Саксъ, въ Кенигсбергѣ, прибывъ въ 1835 году въ домъ, гдѣ пользовалъ девятнадцатилѣтнюю дѣвушку, встрѣченъ былъ родителями ея, которые съ отчаяніемъ извѣстили его о внезапной смерти своей дочери. Врачъ, удостовѣрившись въ этой печальной истинѣ, пришелъ на другой день, чтобы выдать законное свидѣтельство о ея смерти. При этомъ посѣщеніи, у него возникли нѣкоторыя сомнѣнія на счетъ дѣйствительности смерти дѣвицы, почему онъ и велѣлъ отложить похороны.

Замедленіе сіе спасло мнимо-умершую; чрезъ нѣсколько дней она опять пришла въ чувство и была возвращена къ жизни.

Общее и главное правило: дождаться гнилости трупа, кажется весьма просто и ясно; но исполненіе его встрѣчаетъ большія затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, не всегда возможно продержать въ домѣ мертвое тѣло до появленія на немъ признаковъ несомнѣнной смерти. Испаренія мертваго могутъ быть вредными и заразительными для живыхъ, прежде чѣмъ появится въ немъ гнилость; поэтому, издревле признано необходимымъ, для сбереженія здоровья жителей, удалять мертвыя тѣла, какъ можно скорѣе, отъ сообщенія съ живыми. Эта необходимость удвоивается въ тѣсныхъ городахъ, въ домахъ и комнатахъ, въ коихъ много народу, во время лѣтнихъ жаровъ, въ особенности же во время господства заразительныхъ и повальныхъ болѣзней и при большой смертности. Трупы умершихъ отъ оспы, холеры и другихъ подобныхъ болѣзней, бываютъ весьма опасны, иногда опаснѣе живыхъ больныхъ. Отъ большаго накопленія мертвыхъ тѣлъ и несвоевременнаго удаленія ихъ, неоднократно являлись жестокія эпидеміи, моръ и чума. Поэтому, мы находимъ у всѣхъ народовъ, даже у самыхъ древнихъ, различныя строгія постановленія о похоронахъ, о способахъ погребенія, объ избираніи мѣстности для

кладбищъ и т. д., основанныя болѣе или менѣе на желаніи предупредить заразу и другія дурныя послѣдствія для живыхъ. Нѣкоторые древніе народы сожигали умершихъ на кострахъ, другіе ихъ бальзамировали; въ наши времена, Мусульмане и Евреи хоронятъ еще мертвыхъ своихъ въ самый день смерти, обыкновенно до захожденія солнца; все это дѣлается для того, чтобы сберечь здоровыхъ. Посему, во многихъ Европейскихъ Государствахъ и нынѣ еще существуютъ весьма короткіе сроки для погребенія, напримѣръ 48 часовъ и даже 24. Независимо отъ сей причины, есть много другихъ, затрудняющихъ долгое храненіе мертвыхъ тѣлъ: умираютъ люди безродные, безпріютные, въ гостинницахъ, въ чужихъ домахъ, на улицахъ, на дорогахъ; кто ихъ возметъ къ себѣ, кто согласится держать трупы ихъ до появленія на нихъ гнилости? Люди бѣдные, помѣщающіеся тѣсно, въ малыхъ комнаткахъ, по необходимости стараются сбыть, какъ можно скорѣе, мертвыя тѣла, даже родныхъ своихъ, которыя мѣшаютъ имъ на всякомъ шагу. Такимъ же образомъ въ госпиталяхъ и другихъ заведеніяхъ, гдѣ умираетъ большое число больныхъ, долгое храненіе труповъ крайне неудобно. Нерѣдко затрудненіе встрѣчается также въ страхѣ, который мертвые внушаютъ живымъ: есть люди, которые ни зачто въ свѣтѣ не согласятся переночевать подъ одною крышею съ покойникомъ, будь онъ имъ хоть другъ или

родственникъ; иные даже номинуемо отъ этого заболѣваютъ; тутъ дѣйствуетъ иногда одно воображеніе, часто же, особое, неудалимое, врожденное отвращеніе.

Какимъ же образомъ согласовать эти двѣ крайности, какой должно выбрать истинный средній путь, дабы, не подвергая опасности цѣлаго поколѣнія живыхъ, сберечь въ тоже время самихъ покойниковъ, на случай мнимой ихъ смерти? Нашему времени предоставлено было рѣшить вопросъ этотъ самымъ простымъ и естественнымъ способомъ: устройствомъ особыхъ домовъ и покоевъ, въ отдаленныхъ отъ городовъ и селеній мѣстахъ, для храненія, подъ внимательнымъ присмотромъ, умершихъ, до появленія на нихъ несомнѣнныхъ признаковъ смерти.

Знаменитый Гуфландъ, подавъ первую мысль объ этомъ, первый же устроилъ домикъ такого рода въ Веймарѣ; примѣру его вскорѣ послѣдовали и другіе, такъ что нынѣ, почти во всѣхъ значительнѣйшихъ городахъ Германіи и во многихъ мѣстахъ Франціи и Англіи, у входа на кладбища устроены особыя зданія, называемыя тамъ «трупными домами».

Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири давно уже существуютъ подобныя зданія для

той же цѣли, подъ именемъ *убогихъ домовъ*. Названіе это неудобно, потому что во многихъ мѣстахъ Россіи тѣмъ же именемъ называются богадѣльни; приличнѣе было бы, кажется, дать симъ заведеніямъ названіе *упокойныхъ домовъ*.

И такъ, намъ должно приступить безъ замедленія къ устроенію упокойныхъ домовъ, чтобы не отстать въ столь полезномъ и необходимомъ дѣлѣ отъ Западной Европы и отъ восточныхъ сосѣдей и соотчичей нашихъ, Сибиряковъ.

Относительно удобнѣйшаго устройства сихъ домовъ, за границею приняты слѣдующія правила: Упокойный домъ, устроиваемый на сухомъ и, если можно, возвышенномъ мѣстѣ, возлѣ или близъ кладбища, долженъ имѣть достаточное число просторныхъ комнатъ для помѣщенія въ нихъ всякаго трупа отдѣльно отъ прочихъ. Покои сіи, довольно высокіе, свѣтлые и удобно провѣтриваемые, освѣщаются и отапливаются; въ срединѣ дома находится комната для сторожей, неотлучно наблюдающихъ за покойниками, малѣйшія движенія коихъ, въ случаѣ ихъ оживленія, даются знать колокольчикомъ или будильникомъ, снурки отъ котораго проведены къ разнымъ членамъ, въ особенности къ пальцамъ усопшихъ. Въ другой комнатѣ, назначаемой

для спасенія оживающихъ, должны находиться во всегдашней готовности всѣ нужныя для сего приборы: ванны, нѣкоторые медикаменты и проч. Заведеніемъ управлятъ врачъ, и только по его назначенію тѣла̀ могутъ быть вынесены, для преданія землѣ.

Вмѣсто домовъ этихъ, конхъ устройство и поддержаніе требуетъ издержекъ, не вездѣ возможныхъ, предлагаемы были и другіе способы, какъ-то: особо устроенные гробы, воздушныя трубы и термометры, пропущенные въ гробъ, будильники особаго устройства и множество другихъ приборовъ, болѣе или менѣе остроумно придуманныхъ, которые иногда могутъ быть полезны, но едвали замѣнятъ очевидную пользу упокойныхъ домовъ. Выше было сообщено о пользѣ Ньюіоркскаго обычая оставлять гробы на поверхности землѝ въ продолженіе 8 дней. У насъ простой способъ этотъ не годится, по причинѣ суроваго климата. По соображеніи всѣхъ донынѣ извѣстныхъ способовъ и приборовъ, конхъ подробное исчисленіе было бы излишнимъ, одни упокойные домы представляютъ всѣ возможныя выгоды и болѣе всѣхъ отвѣчаютъ своей цѣли. Особенную же важность имѣютъ они во время повальныхъ, смертоносныхъ болѣзней и вообще во всякое время, для людей бѣднаго сословія, не имѣющихъ ни мѣста,

ни способовъ держать у себя покойниковъ въ продолженіе долгаго времени.

Польза домовъ этихъ такъ очевидна, при первомъ взглядѣ, мысль объ устройствѣ ихъ такъ проста и ясна, что не требуетъ никакого объясненія. При надлежащемъ устройствѣ этихъ домовъ, никто изъ насъ не будетъ уже страшиться ужаснаго пробужденія и вторичной смерти въ могилѣ, и едвали кому придутъ въ мысль тѣ причудливыя завѣщанія, о коихъ упомянуто было выше, — чтобы, до совершенія похоронъ, отрублена была голова, или проколото сердце.

Въ заключеніе, обращаемъ вниманіе читателей еще на одну мѣру, приведеніе которой въ исполненіе было бы въ высшей степени благодѣтельно и болѣе всего могло бы содѣйствовать къ спасенію обмершихъ отъ преждевременнаго погребенія; а безъ которой, на оборотъ, не только придуманные съ этою цѣлію другіе способы и установленія, но и самые «упокойные дома» не принесутъ, быть можетъ, той пользы, какой слѣдуетъ ожидать отъ нихъ. Мѣра эта заключается *въ основаніи у насъ, съ помянутою цѣлію, и распространеніи по всей Имперіи такого же человѣколюбиваго общества, какія существуютъ для этого за границею.* Можетъ-ли что̀ служить вѣрнѣйшимъ

ручательствомъ въ дѣйствительности надзора и попеченія нужныхъ въ этомъ дѣлѣ, какъ не сильное сердечное сочувствіе къ страданіямъ ближняго, какъ не святая любовь къ человѣчеству, которыя должны воодушевлять членовъ подобнаго общества? Мы видѣли выше, какими успѣхами увѣнчивается Христіянская дѣятельность такихъ обществъ, тамъ, гдѣ онѣ существуютъ: нѣтъ причинъ опасаться, чтобы и у насъ дѣло пошло хуже; напротивъ, принимая въ соображеніе относительную малообразованность нашего простаго народа, и необходимость для него въ примѣрѣ и руководствѣ, смѣемъ думать, что потребность въ подобномъ учрежденіи существуетъ у насъ не менѣе чѣмъ гдѣ-либо, и что оно можетъ принести у насъ добра столько же какъ у другихъ. Вообще, лишь бы такое человѣколюбивое общество, составилось въ Россіи, а благость Всевышняго не дозволяетъ сомнѣваться, чтобы Онъ не благословилъ чистыхъ стремленій нашихъ къ выполненію заповѣди о любви къ ближнимъ.

2007096453